

Сердце Волка

The book cover features a dramatic scene with a man in a primitive canoe on a stormy sea. The man is holding a bow and arrow, looking towards a large, dark wave. In the foreground, an orca is shown swimming towards the viewer, its mouth open, revealing sharp teeth. The background shows a cloudy sky and distant mountains.

Хроники
темных
времен

МИШЕЛЬ ПЕЙВЕР

Хроники темных времен

Мишель Пейвер

Сердце Волка

«Азбука-Аттикус»

2005

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-445

Пейвер М.

Сердце Волка / М. Пейвер — «Азбука-Аттикус»,
2005 — (Хроники темных времен)

ISBN 978-5-389-18104-5

Чарующая повесть о дружбе, предательстве и самопожертвовании. У юного Торака особенная судьба. Он умеет разговаривать с волками. И он должен одолеть Пожирателей Душ – или погибнуть, пытаясь это сделать. О них известно очень мало. Их семеро, все они из разных племен, и каждый одержим жадной власти. Год назад один из них создал медведя-демона, и тот убил отца Торака. А теперь колдуны наслали на Лес болезнь, от которой люди умирают целыми стойбищами. И Торак решает тайком покинуть приютившее его племя Ворона, надеясь в Сердце Леса найти средство от проклятого мора.

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-445

ISBN 978-5-389-18104-5

© Пейвер М., 2005
© Азбука-Аттикус, 2005

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	37
Глава 9	43
Глава 10	48
Глава 11	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Мишель Пейвер

Хроники темных времен.

Книга 2: Сердце Волка

Michelle Paver

SPIRIT WALKER

Text copyright © Michelle Paver 2005

Illustrations copyright © Geoff Taylor

First published in Great Britain in 2005

The right of Michelle Paver to be identified as the author
of this work has been asserted

All rights reserved

© И. А. Тогоева, перевод, 2008

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа "Азбука-Аттикус"», 2020

Издательство АЗБУКА®

* * *

Грандиозное фэнтезийное приключение, обширные знания о первобытной жизни убедительные характеры героев.

Booklist

Долгожданный глоток свежего воздуха в царстве детской фэнтези... Мишель Пейвер умеет вызвать в голове у читателя те же грезы, что родились однажды в ее собственной голове, – грезы человека, бегущего вместе с волками по первобытному лесу.

Fantasy Book Review

От автора

Мир Торака отстоит от нашего на шесть тысяч лет; он существовал сразу после ледникового периода и до наступления эры земледелия – в те времена, когда всю Северо-Западную Европу покрывали сплошные леса.

Люди во времена Торака выглядели в точности как вы и я, но жили они по иным правилам и законам. Они не знали письма, металлов, колеса, но и не особенно в этом нуждались. Они и без этого прекрасно умели выживать. Они знали все о животных, деревьях, съедобных растениях и скалах своего родного Леса. И если им что-нибудь было нужно, они знали, где это найти или как это сделать.

Они жили маленькими племенами и часто перемещались с места на место. Некоторые оставались на стоянке лишь день-два, как Торак из племени Волка, другие могли весь год жить на одном месте, подобно племени Тюленя. И если вам интересно, то племена Ворона и Кабана успели несколько изменить места своего обитания со времени тех событий, что описаны в книге «Брат Волк». Вы можете увидеть это на карте, составленной, правда, весьма приблизительно.

Когда я собирала материал для «Сердца Волка», то довольно долго жила на Лофотенских островах на северо-западе Норвегии, а также в Гренландии. Я изучала традиционный образ жизни таких народов, как саами и иннуиты, и многое узнала о том, как они делают лодки, охотятся на тюленей и шьют себе одежду.

Тема Священного Утеса пришла ко мне в результате посещения древней скалы со старинной резьбой в Дирбергете (северо-запад Норвегии).

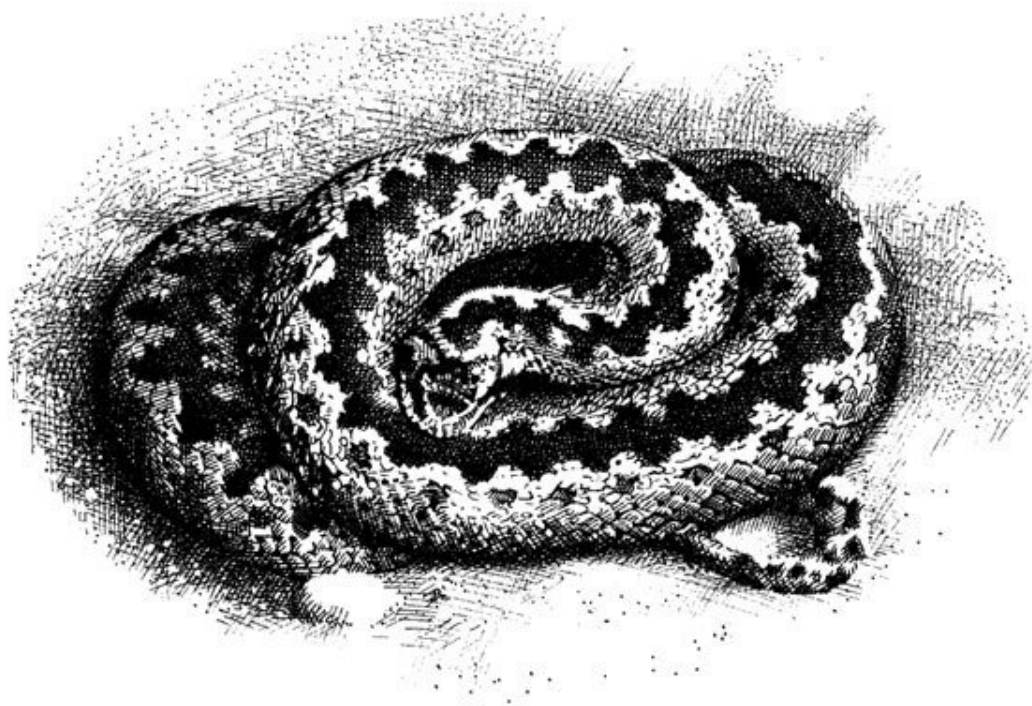
Тема Охотников появилась после плавания с китами-убийцами в Тис-фьорде (Северная Норвегия). Я бы никогда не смогла описать ощущения Торака в воде, не испытав сама нечто подобное. Как и у Торака, плавание в море вместе с китами-убийцами навсегда переменяло мое отношение к этим удивительным существам.

* * *

Я хочу поблагодарить жителей Полярки в Тромсё (Норвегия) за то, что они помогли мне понять, каково это – быть тюленем; а также жителей западной части Гренландии за их гостеприимство, открытость и доброжелательность; а также Британскую государственную организацию по охране волков за то незабываемое время, что я провела вместе с несколькими чудесными волками; а также жителей Тис-фьорда за то, что они познакомили меня с китами-убийцами и орланами-белохвостами. Большое спасибо также мистеру Деррику Койлу, старшему смотрителю воронов Тауэра, за то, что он поделился со мной своими поистине неисчерпаемыми знаниями относительно характеров некоторых августейших воронов. И наконец, я, как всегда, хочу поблагодарить моего агента Питера Кокса и моего издателя Фиону Кеннеди за их неизменный энтузиазм и поддержку.

*Мишель Пейвер
Лондон, 2005*

Глава 1

На том берегу ручья совершенно неожиданно появился зубр.

Только что там спокойно шелестела ивовая листва, пронизанная солнечным светом, – и вдруг перед Торакком возникла она. В холке зубриха была выше самого высокого мужчины, а огромными изогнутыми рогами запросто могла завалить медведя.

«Если она вздумает напасть, – думал Торак, – беды не миновать».

К несчастью, ветер дул в ее сторону, и он, едва дыша, смотрел, как зубриха ворочает тупой черной мордой, пытаясь по запаху определить, где затаился враг. Грозно всхрапнув, она стала рыть землю мощным передним копытом.

И тут Торак заметил, что из зарослей выглядывает зубренок. Зубры обычно довольно добродушны – но только не тогда, когда у них есть детеныши.

Торак неслышно отступил в тень. Если он ничем не привлечет к себе внимания зубрихи, она, возможно, нападать и не станет.

Но зубриха, явно чуя его присутствие, опять всхрапнула и поддела листья папоротников могучими рогами. Впрочем, вскоре она, видимо, решила, что охотиться на нее никто не собирается, и с явным облегчением плюхнулась в болотце на берегу.

И Торак наконец решился перевести дыхание.

Зубренок, неуверенно ступая, направился к матери, поскользнулся, жалобно замычал и упал. Зубриха подняла голову и, подталкивая детеныша носом, помогла ему встать, а потом снова с наслаждением улеглась в грязь.

Скорчившись за кустом можжевельника, Торак судорожно пытался сообразить, как быть. Фин-Кединн, вождь племени Ворона, велел ему принести охапку ивовой коры, отмокавшей в ручье. Возвращаться на стоянку с пустыми руками Торакку не хотелось. Но еще меньше ему хотелось угодить зубру на рога.

И он решил немного подождать.

День выдался жаркий; уже наступил самый светлый месяц в году, и лес был допьяна напоен солнцем. В ветвях деревьев звучали, отдаваясь звонким эхом, птичьи трели, теплый юго-восточный ветер приносил аромат цветущей липы. Вскоре Торак перестал слышать только стук собственного сердца и увидел, как в кустах орешника в поисках пищи преспокойно шныряет стайка зеленушек. Потом заметил гадюку, мирно гревшуюся на камне, и попытался сосредоточиться на этих привычных вещах, но, как это часто случалось с ним, непослушные мысли тут же переключились на Волка.

Волк теперь, наверное, совсем уже взрослый, а каким смешным детенышем он был, когда они впервые встретились; как он все время спотыкался, припадал на передние лапы, прося поиграть, как выпрашивал чернику...

«Не смей думать о Волке! – рассердился на себя Торак. – Его больше нет. Он никогда не вернется, никогда! Думай об этой вот зубрихе, или о гадюке, или...»

Вот тут-то он и заметил того охотника.

Охотник был на его стороне ручья, шагов на двадцать ниже по течению, но стоял более удачно: ветер в этом месте дул как раз в его сторону от зубрихи. Лицо охотника в глубокой тени разглядеть было невозможно, но на нем, как и на Тораке, была легкая куртка из оленьей кожи, штаны до колен и светлые кожаные башмаки. На шее у него Торак заметил кабаньий клык и догадался: значит, он из племени Кабана.

В ином случае Торак бы этому даже обрадовался. Люди из племени Кабана вполне дружелюбно относились к представителям племени Ворона, среди которых он провел последние полгода. Но с этим охотником явно было что-то не так. Ноги у него как-то странно заплетались, голова моталась из стороны в сторону, и мало того: он явно выслеживал зубра! На поясе у него висели два охотничьих топора из синеватого сланца, и Торак, не веря собственным глазам, увидел, как он отвязал один топор и готовится метнуть его в зверя.

Он что, с ума сошел? Кто же охотится на зубров в одиночку! Ведь это самый сильный зверь в Лесу. Зачем же этот парень на рожон лезет? Или смерти ищет?

Зубриха, ничего, к счастью, пока не замечавшая, что-то проворчала и еще глубже зарылась в грязь, наслаждаясь каждой минутой избавления от проклятой мошки. В это время детеныш, вырванный из земли целый куст кипрея, вопросительно посмотрел на мать, явно надеясь, что она придет ему на помощь.

Торак не выдержал, привстал и несколько раз предупреждающе махнул незнакомцу рукой, точно отталкивая его ладонью: *Опасно! Уходи!*

Но охотник ничего не видел. Согнув в локте смуглую руку, он прицелился и... метнул топор.

Топор просвистел в воздухе и вонзился в землю не более чем в локте от зубренка.

Мальш испуганно отбежал в сторону, а его мамаша с грозным ревом вскочила и бросилась туда, откуда грозила опасность. Однако запаха охотника она по-прежнему не чуяла.

Невероятно, но охотник явно собирался метнуть и второй топор!

– Нет! – хрипло прошептал Торак. – Ты в лучшем случае только ранишь ее, и тогда она точно убьет нас обоих!

Но охотник уже отвязал топор от пояса и прицеливался.

«Думай, думай! – подгонял себя Торак. – Если этот топор попадет в цель, зубриху ничто не остановит. Но если ее удастся просто удивить или слегка напугать, а не ранить, она, возможно, только притворится, что нападает, а потом уйдет вместе с детенышем. В общем, нужно, чтобы этот тип из племени Кабана ни в коем случае не задел ее своим топором».

Набрав в грудь побольше воздуха, Торак высоко подпрыгнул на месте и, махая руками, закричал:

– Сюда! Сюда!

В какой-то степени это помогло. Зубриха, яростно взревев, бросилась на Торака, и топор мгновение спустя вонзился в землю точно в том месте, где она только что стояла. А пока она шлепала через болотце к Тораку, тот успел спрятаться за ствол огромного дуба.

Залезть на дерево времени у него не хватило – зубриха была уже рядом, он слышал ее сердитое сопение и даже за деревом чувствовал исходивший от нее жар...

И вдруг в самый последний момент она резко свернула в сторону, махнула хвостом и двинулась в чашу, круша густой подлесок. Зубренок бежал следом.

После их ухода на берегу ручья воцарилась прямо-таки оглушительная тишина.

Пот струился по лицу Торака, когда он в полном изнеможении прислонился к стволу дуба.

А незнакомый охотник стоял и, опустив голову, тупо раскачивался из стороны в сторону.

– Ты что же это делаешь, а? – задыхаясь, возмущенно завопил Торак. – Мы же оба погибнуть могли!

Охотник, не сказав ему в ответ ни слова, перепрыгнул через ручей, подобрал свои топоры, заткнул их за пояс и, шаркая ногами, вернулся на прежнее место. Лица его Торак по-прежнему разглядеть не мог из-за густой тени, зато отлично видел мускулистые ноги и руки и жуткий изогнутый нож, вырубленный из слюдяной пластины. «Если дело дойдет до схватки, – думал он, – мне несдобровать». Ему ведь еще и тринадцати не исполнилось.

Внезапно охотник привалился к стволу дерева – его жестоко рвало.

Торак, тут же позабыв о своих опасениях, бросился на помощь.

Незнакомец уже совершенно обессилел. Опустившись на четвереньки, он исторгал из себя комки какой-то желтой слизи. Потом конвульсивно содрогнулся и выплюнул темный скользкий клубок размером примерно с кулачок ребенка и больше всего похожий на... клок волос!

Вздыхнул ветер, шевельнул ветви деревьев, на лицо незнакомца упал солнечный луч, и Торак наконец смог как следует его разглядеть.

Этот человек наверняка был болен или безумен: там, где он вырвал у себя клочья волос – на голове и на подбородке, – виднелись кровоточащие проплешины. А все его лицо покрывали струпья темно-желтого цвета, превратившиеся в сплошную жуткую корку, похожую на березовый гриб. Слизь по-прежнему душила его, он, кашляя и задыхаясь, выплюнул еще один комок волос и, присев на корточки, принялся остервенело чесать руку, покрытую ужасными пузырями.

Торак невольно попятился; рука его сама собой потянулась к племенному оберегу – кусочку волчьей шкуры, пришитому к куртке. Что же с ним такое, с этим охотником?

Вот Ренн бы сразу определила. Она как-то объясняла ему, что лихорадка чаще всего нападает на человека как раз в пору летнего Солнцестояния, потому что короткими светлыми ночами, когда солнце почти не ложится спать, у червячков, которые переносят разные болезни, более чем достаточно времени, чтобы выбраться из болот и напасть на людей. Вот только если это тоже лихорадка, то такой лихорадки Торак никогда в жизни не видел!

Он ломал голову, как бы помочь этому несчастному. В мешочке с целебными травами у него остались только сушеные листья мать-и-мачехи.

– Давай я попробую тебе помочь, – дрожащим голосом предложил он. – У меня есть немного... Ой, что ты, не надо так! Вон у тебя уже кровь пошла!

Но охотник продолжал остервенело чесаться, оскалив зубы. Было ясно, что он уже не в силах терпеть невыносимый зуд и даже боль кажется ему избавлением от этих мучений. Вдруг он, впившись себе в кожу ногтями, стал яростно сдирать вздувшиеся пузыри; кровь ручейками потекла по руке.

– Не надо! – крикнул Торак. – Что ты делаешь?

Незнакомец зарычал и, точно зверь, прыгнул на него, прямо-таки пришпилив к земле.

Над Торакком совсем близко склонилось его лицо, покрытое жуткой коростой, безумные глаза заплывли гноем.

– Не тронь меня! – с трудом вымолвил мальчик. – Мое имя... Торак! Я из... племени Волка, я...

Незнакомец склонился еще ниже, едва не касаясь лица Торака и обдавая его зловонным дыханием.

– Она... идет! – прошипел он.

Тщетно пытаясь проглотить застрявший в горле комок, Торак испуганно спросил:

– Кто это – ОНА?

Покрытое струпьями лицо безумца исказилось от ужаса.

– Ты что, сам не видишь? – Изо рта у него так и разлетались брызги желтоватой слюны. – Она идет! И теперь всем нам конец!

Он отпустил Торака, с трудом поднялся на ноги, болезненно щурясь от солнечного света, а потом с такой скоростью бросился прочь, с хрустом ломаясь сквозь густой подлесок, словно за ним гнались все злые духи Иного Мира.

Торак, опершись на локоть и тяжело дыша, смотрел ему вслед.

И вдруг понял, что все птицы умолкли.

Лес с ужасом взирал на происходящее.

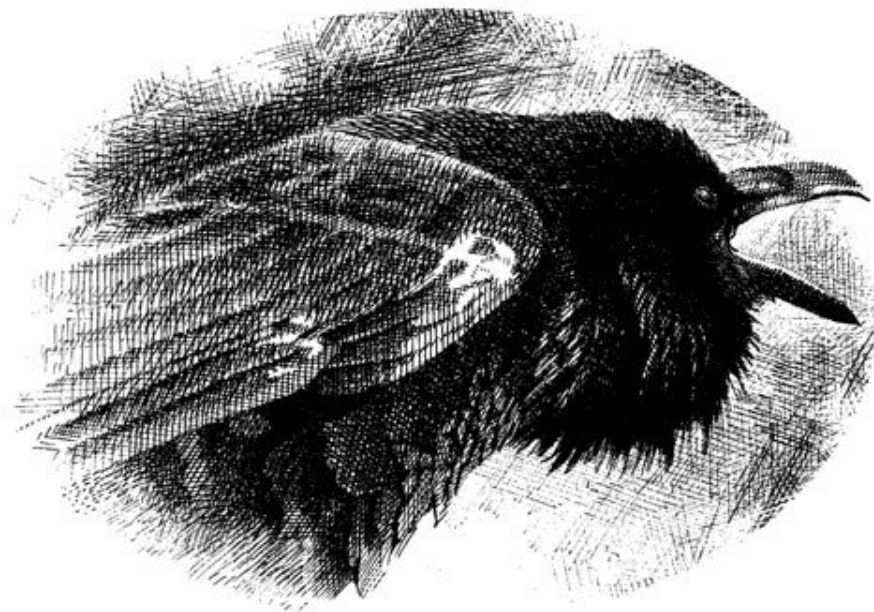
Торак медленно встал. Ветер успел повернуть и дул теперь с востока, он стал заметно холоднее. И деревья, словно охваченные зябкой дрожью, качались и что-то шептали друг другу. «Жаль, – думал Торак, – что я не понимаю их языка». Впрочем, он испытывал, видимо, примерно те же чувства, что и деревья: с восточным ветром в Лес шло что-то страшное и неотвратимое.

Значит, она действительно идет.

Идет страшная болезнь.

Торак бегом бросился туда, где оставил лук и стрелы, подобрал их, а вот вытаскивать из ручья связку ивовой коры и тащить ее к стоянке времени уже не было: надо как можно скорее предупредить людей из племени Ворона!

Глава 2

– Где Фин-Кединн? – крикнул Торак, влетая на стоянку.

– В соседней долине, – ответил ему мужчина, потрошивший одного лосося за другим. – Пошел за кизиловыми ветками – древки для стрел делать.

– А Саеунн? Где наша колдунья?

– Она на Скале, по костям гадает, – сказала Тораку девушка, которая нанизывала рыбы головы на тонкую жилу. – Но тебе лучше подождать, пока она сама оттуда вернется.

Торак даже зубами скрипнул от досады. Ну да, вон она, колдунья племени Ворона, – торчит на самой вершине Сторожевой Скалы. Маленькая сгорбленная фигурка Саеунн издали очень напоминала нахохлившуюся птицу. Старая колдунья внимательно смотрела на лежавшие на земле кости, к ней подошел ворон, хранитель племени, остановился, сложил свои жесткие черные крылья и хрипло каркнул.

Так, кому же еще можно было бы все рассказать?

Ренн в поселке нет – ушла на охоту. Ослака, у которого пока что поселился Торак, нигде не видно. У стоек, где вялилась рыба, он заметил Зиалота и Пуа – эти подростки из племени Ворона были по возрасту ближе всех к нему, но именно к ним он обратился бы в последнюю очередь: они его откровенно недолюбливали, считая чужаком. Все остальные были заняты ловлей лосося, и вряд ли кто-то стал бы слушать немыслимую историю о каком-то больном охотнике, которого он встретил в Лесу. Торак беспомощно оглядывался и уже почти начал сомневаться в том, что действительно видел того страшного безумца: все вокруг дышало покоем, все занимались привычными делами.

Стоянка племени Ворона находилась у излучины реки – там, где Широкая Вода, вырываясь из сумрачной горловины, с ревом огибает Сторожевую Скалу и устремляется к порогам. Именно эти пороги многочисленные стаи лосося каждое лето и пытаются преодолеть, завершая свое трудное путешествие от моря в горные реки. Река сопротивляется, с яростью отбрасывая их назад, но рыбы раз за разом возобновляют свои попытки, пробиваясь вверх по течению сквозь нагромождение валунов, тучи водяных брызг и пены, совершая сложнейшие прыжки и сверкая в воздухе серебристыми боками, пока не выбьются из сил и не погибнут или же

не достигнут тихих заводей по ту сторону горловины, если, конечно, не попадут на острогу к людям из племени Ворона.

Когда лосось шел на нерест, люди вбивали в дно реки колья и устраивали над водой нечто вроде плетеных мостков, достаточно прочных и способных выдержать сразу нескольких рыбаков, вооруженных острогами. Такая рыбная ловля требовала сноровки, ибо, свалившись в воду, ты рисковал получить увечье, а то и утонуть – река была безжалостна, а острые скалы у порогов торчали, как обломки хищных зубов. Но зато и добыча стоила риска.

В жилищах не было сейчас ни души; все старались поскорее, пока не испортилась рыба, обработать дневной улов: коптили, вялили, делали лепешки из лососины. Мужчины, женщины и дети чистили чешую, сдирали шкурку и потрошили рыбину, а потом старательно разделяли ярко-оранжевые тушки по хребту, очищая их от костей и оставляя нетронутыми хвосты – за хвост было удобно подвешивать обе вычищенные половинки над костром, присоединив их к большой связке. Зиалот и Пуа растирали ягоды можжевельника; затем эти ягоды смешают с вяленным и разрезанным на ломтики мясом, чтобы, во-первых, придать ему особый аромат, а во-вторых, отбить неприятный запах, если он появится.

В умелых руках не пропадало ничего, ни одной косточки. Шкурки будут заготовлены впрок, многие из них впоследствии послужат отличными трутницами; из глаз и костей сварят клей; печень и икра – отличное угощение за ужином и прекрасное подношение хранителю племени Ворона и духам самих лососей.

Все лесные племена – Кабана, Ивы, Выдры, Гадюки, – стоявшие на берегах рек, стремились принять участие в сборе богатого «урожая». А в тех местах, где не было стоянок людей, к реке подходили другие охотники: медведи, рыси, орлы, волки. Для всех время идущего на нерест лосося было праздником – за несколько дней можно было существенно пополнить запасы пищи, которая даст людям силы долгой тяжелой зимой.

«Так было с Начала Времен, – думал Торак. – Разве может какой-то большой безумец все это изменить?»

Он вдруг вспомнил покрытое страшной коростой лицо незнакомца и его заплывшие гноем глаза.

И в этот момент увидел, как из их жилища вышел Ослак. Сердце Торака радостно подпрыгнуло: уж Ослак-то, конечно, знает, как поступить!

Но, к его удивлению, Ослаку слушать рассказ о больном охотнике было явно неинтересно, его куда больше интересовал новый крепеж острия на остроге.

– Так ты говоришь, тот человек был из племени Кабана? – сказал он, нахмурившись и почесывая тыльную сторону ладони. – Ну так пусть о нем и позаботится их колдун. – Он кинул Тораку острогу. – Ступай-ка лучше к реке – знаешь, где плоские камни? – и посмотрим, сумеешь ли ты лосося добыть.

Торак растерянно посмотрел на него:

– Но, Ослак...

– Ступай, ступай! – рявкнул Ослак.

И Торак нехотя подчинился. Странно. И совершенно не похоже на Ослака. Ослак очень редко выходил из себя, на самом деле Торак его сердитым вообще ни разу не видел. Это был огромный добродушный великан со спутанной бородой, несмотря на довольно-таки пугающую внешность, – он потерял ухо и изрядную часть щеки, не достигнув взаимопонимания с росомахой. И – что было характерно для Ослака – росомаху он ни в чем не винил.

«Это моя ошибка, – говорил он, если его спрашивали, что с ним случилось, – я сам ее испугал».

Такой уж он был, Ослак. Именно он и его жена Ведна первыми позвали Торака к себе жить, когда он решил остаться в племени Ворона, и всегда были к нему добры. С другой

стороны, Ослак был самым сильным человеком в племени, так что Торак возражать ему не решился.

Но, взяв у Ослака острогу, он вдруг увидел нечто такое, отчего застыл как вкопанный: вся тыльная сторона руки великана была покрыта волдырями.

– Что это... у тебя на руке? – спросил он.

– Мошкара покусала, – сказал Ослак, расчесывая волдыри. – Комары в этом году – жуть, я таких сроду не видел. Всю ночь мне спать не давали.

– Да вроде на комариные укусы не похоже, – с сомнением сказал Торак. – А... не болит? Ослак, продолжая чесаться, пожал плечами:

– Да странное какое-то ощущение: словно из меня вся жизненная сила вытекает, вся моя телесная душа, только ведь быть такого не может, верно? – Ослак, болезненно щурясь, посмотрел на Торака; казалось, дневной свет режет ему глаза, лицо его выглядело каким-то по-детски испуганным.

Торак с трудом сглотнул комок в горле и сказал:

– Я не думаю, что телесная душа может выйти из человека через простую ссадину или порез – она только через рот во время сна выходит или... когда... болен. – Он помолчал. – Я, пожалуй, поищу Саеунн.

Ослак нахмурился:

– Не нужна мне Саеунн! Ступай к реке! – Лицо его страшно исказилось. Он вдруг превратился в злобного великана, который, стиснув кулаки, навис над Тораком.

Потом ему, похоже, удалось взять себя в руки.

– Ладно... – пробормотал он. – Ты пока оставь меня в покое, хорошо? Иди-иди. Тулл ждет.

– Хорошо-хорошо, уже иду, – сказал Торак, как мог спокойно.

И, уже направляясь к реке, все-таки оглянулся и увидел, что Ослак по-прежнему расчесывает волдыри на руках, приборматывая: «Утекает, утекает...» Потом он встал, собираясь, видимо, идти домой, повернулся к Тораку спиной, и тот сразу заметил у него за изуродованным росомухой ухом проплешину, где волосы были явно вырваны, и жуткий темно-желтый нарост, похожий на березовый гриб.

У Торака похолодело внутри.

Он бегом бросился к реке, где на плоском камне у берега сидел младший брат Ослака, Тулл, и чистил свой нож.

– Тулл! – закричал Торак. – Мне кажется, Ослак болен!

И тут же сбивчиво, то и дело путаясь и задыхаясь от волнения, принялся рассказывать Туллу о встрече с больным охотником, но на Тулла эта история никакого впечатления не произвела.

– Да это все мошка проклятая! – сказал он. – Каждое лето от нее спасу нет. А Ослака мошка прямо-таки с ума сводит.

– Это не мошка! – возразил Торак.

– Да ты сам посмотри: вон он, сидит себе спокойно, и все у него в порядке. – Тулл указал в сторону плетеных мостков.

И точно: там на корточках сидел Ослак, держа в руках острогу; на конце остроги уже трепыхался очередной лосось.

Торак, закусив губу, огляделся. Вокруг царили мир и покой. Ребятишки играли на берегу, кидаясь целыми пригоршнями блестящей рыбьей чешуи. Бесстрашные молодые вороны дразнили собак, нахально дергая их за хвосты. Пятилетний сынишка Тулла, Дари, шлепал босиком по мелководью, держа в руке игрушечного зубра, которого Ослак сделал ему из сосновой шишки.

И все же душа Торака была полна дурных предчувствий. Однако он сжал в руке острогу и направился к плоским камням.

Так назывались четыре больших валуна, расположенные чуть ниже плетеных мостков и ближе к порогам; по этим камням можно было добраться чуть ли не до середины реки. С них начинающие рыболовы и учились бить рыбу острогой, потому что на них гораздо легче было сохранить равновесие, чем на шатких мостках. Тулл указал Тораку на первый камень, но Торак упрямо направился на четвертый, самый дальний от берега. Он и сам не знал, чего ждет; понимал только, что должен быть начеку.

– Следи за рыбой! – крикнул ему с берега Тулл. – Нечего на воду смотреть!

Но не смотреть на воду Торак не мог. Она так и кипела вокруг скользких, покрытых мокрыми лишайниками валунов, и в ней то и дело серебристыми вспышками мелькали крупные рыбины. Острога оказалась слишком длинной и тяжелой, и замахиваться ею, сохраняя при этом равновесие, было очень нелегко. На конце у остроги был острый трезубец из рога – таким легко можно было удержать любую рыбу, если, конечно, Тораку когда-нибудь удастся эту рыбу проткнуть. Пока что все его попытки заканчивались неудачей. Когда он жил с отцом, они ловили рыбу только с помощью лески и крючка. Поэтому с острогой он умел управляться – о чем Зиалот не упускал случая напомнить ему – не лучше семилетнего малыша.

Торак заставил себя сосредоточиться. Ударил. Промахнулся. И чуть не свалился в воду.

– Ты дождись, когда она с тобой поравняется, а уж потом бей! – заорал ему с берега Тулл. – И смотри, когда она вниз по течению идет, усталая!

Торак предпринял еще одну попытку. И снова промахнулся.

От костров, где вялили и коптили рыбу, послышался сдавленный смех. Лицо Торака вспыхнуло. Зиалот явно наслаждался его неловкостью.

– Ничего, у тебя уже лучше получается! – снова крикнул Тулл, желая подбодрить Торака, поскольку хвалить его пока что было не за что. – Так и продолжай! А я скоро вернусь! – И Тулл отошел от берега, чтобы подбросить топлива в костры, над которыми вялилась рыба, а маленький Дари остался играть со своим зубренком на мелководье.

На какое-то время Торак забыл обо всем, поглощенный одним желанием: непременно поймать рыбу и при этом не уронить острогу и не свалиться в реку. Вскоре он был мокрым с головы до ног: брызги так и летели – могучая, быстрая река накатывала на валун волну за волной.

Вдруг с мостков донесся громкий крик, и Торак резко вскинул голову. И тут же с облегчением вздохнул: оказалось, это Ослак надел на острогу очередного лосося. Одним ударом прикончив рыбину, он опустил ее на колени и привычным движением снял ее с острия.

«Да нет, с ним действительно все в порядке», – решил Торак.

И тут заметил, что Ослак опять принялся расчесывать руку. Потом вдруг яростно вцепился в ту здоровенную болячку за ухом.

Лосось извивался у его ног на мостках, затем соскользнул в воду, но Ослак, не обратив на него ни малейшего внимания, свирепо оскалился, содрал болячку и... сунул ее в рот.

Торака передернуло от отвращения, он чуть в воду не свалился.

Солнце зашло за тучу. Вода почернела. Издыхающий лосось, пойманный Ослаком, проплыл мимо камня, глядя на Торака равнодушными мертвыми глазами.

Торак обернулся к берегу. На мелководье никого не было.

Дари исчез.

Со стороны мостков снова раздался крик Ослака.

Торак быстро повернулся туда и оцепенел от ужаса.

Дари, пошатываясь, шел по мосткам к дяде, а Ослак манил его к себе, даже не думая немедленно вернуть малыша на берег.

– Иди ко мне, Дари! – громко звал он племянника, и Торак увидел, что лицо его искажено какой-то свирепой алчностью. – Иди скорей сюда! Я не позволю им забрать наши души!

Глава 3

На берегу никто не замечал того, что творится на мостках.

«Нет, – решил Торак, – я должен немедленно что-то предпринять!»

Держа в руках острогу, он повернулся к берегу и тут заметил, что из Леса с разных сторон почти одновременно появились двое.

С востока к стоянке направлялась Ренн, в одной руке держа свой любимый лук, а в другой – связку лесных голубей.

А с запада, слегка прихрамывая и опираясь на посох, шел Фин-Кединн; на плече он нес вязанку кизиловых веток.

Оба в один миг поняли, что происходит, и каждый медленно опустил на землю свою ношу.

Чтобы Ослак их не заметил, Торак поспешил отвлечь великана.

– Что случилось, Ослак? – крикнул он. – Может, я чем могу помочь?

– Никто мне помочь не сможет! – проревел Ослак. – Мои души из меня вытекают! А *они их едят!*

Теперь уже многие перестали работать и смотрели на Ослака. Мать Дари с криком бросилась к мосткам, но Тулл удержал ее. Жена Ослака, Ведна, стиснув кулаки так, что побелели костяшки пальцев, прижала их ко рту. На Сторожевой Скале неподвижно застыла Саеунн.

Ренн тем временем уже добралась до мостков, и все же Фин-Кединн, несмотря на свою хромоту, опередил ее. И молча протянул ей свой посох.

– Кто ест твои души? – продолжал громко вопрошать Торак.

– Да рыбы же! – Желтая слизь показалась на губах Ослака. – Своими зубами! Своими острыми зубищами! – И ткнул пальцем в кишачую лососем воду, где, как ему казалось, страшные твари с зубами грызли и сокрушали его телесную душу.

Тораку стало страшно. Ведь и правда, такое случается порой с телесной душой человека, если он слишком низко наклонится над водой, но обычно река не причиняет людям вреда. Вот если человек болен, тогда река действительно может вызвать у него головокружение, и он свалится в воду.

– Скоро мои души меня покинут, – простонал Ослак, – и я стану жалким призраком! Иди сюда, Дари! Река хочет забрать нас!

Ребенок колебался, но, постояв немного, снова потихоньку пошел к дяде, прижимая к груди сделанного из сосновой шишки игрушечного зубра.

Только в эту минуту Торак осмелился наконец посмотреть на Фин-Кединна.

Лицо вождя застыло, словно высеченное из песчаника. Он перехватил взгляд Торака и, прижав указательный палец к губам, глазами сказал ему: «Ты находишься между ними и порогами. Постарайся перехватить их».

Торак кивнул. Ему было холодно. Он обхватил себя руками. Ноги от стояния на мокром валуне совершенно застыли, руки начинали дрожать.

Наконец Дари добрался до Ослака, и тот, отбросив в сторону острогу, подхватил малыша на руки. Мостки качнулись и угрожающе просели под ним.

– Эй, Ослак, – негромко окликнул его Фин-Кединн, но голос его странным образом оказался хорошо слышен всем, несмотря на шум порогов. – Вернись-ка на берег.

– Отвяжись! – рявкнул Ослак.

И Торак, к своему ужасу, увидел, что Ослак уже готов дернуть за сплетенную из лыка веревку, конец которой был привязан к столбикам, поддерживающим мостки; один сильный рывок – и мостки рухнут, а вместе с ними Ослак и Дари.

И Торак не выдержал:

– Ослак, послушай меня, это я, Торак! Не надо...

Ослак злобно огрызнулся:

– А кто ты такой, чтобы указывать мне, что надо, а что не надо? Ты вообще не из нашего племени! Кукушонок! Ешь нашу пищу, живешь в наших домах! Я-то слышал, как ты тайком в Лес ходил и выл там, звал своего Волка! Все мы это слышали! Что, никак смириться не хочешь с тем, что он никогда к тебе не вернется?

Ренн даже сморщилась от сострадания, но Торак и глазом не моргнул. Он видел то, чего пока не замечал Ослак: Фин-Кединн, чуть прихрамывая, осторожно подбирался к разбушевавшемуся великану.

Вдруг Ослак пошатнулся, угрожающе качнулись мостки...

Дари от испуга раскрыл рот и во все горло заревел.

Фин-Кединн так и застыл на месте.

– Эй, Ослак! – снова негромко окликнул он.

Ослак резко обернулся и злобно оскалился:

– Лучше держись от меня подальше!

Фин-Кединн поднял руки, словно говоря, что и не собирался к нему приближаться. Заметив, что все племя в ужасе взирает на них, вождь преспокойно уселся на мостки, скрестив ноги. Он был шагах в шести от берега и отлично понимал: если Ослак дернет за веревку, мостки непременно обрушатся, но тем не менее вид у него был настолько безмятежный, точно он сидит вечером у костра.

– Ослак, – помолчав, спокойно сказал Фин-Кединн, – ты же прекрасно знаешь, что племя выбрало меня вождем во имя своего спокойствия и безопасности.

Ослак облизнул губы, но ничего не ответил.

– И поскольку ты тоже член нашего племени, – продолжал Фин-Кединн, – я непременно постараюсь и тебе обеспечить полную безопасность. Ты только опусти Дари на мостки и позволь ему подойти ко мне. А я отнесу его к матери, хорошо?

Лицо Ослака слегка расслабилось и как-то обвисло.

– Отпусти мальчика, – повторил Фин-Кединн. – Ему давно ужинать пора...

Сила, заключенная в его тихом голосе, явно начинала действовать. Ослак медленно разжал ручонки Дари, которыми тот обвинил его шею, и опустил малыша на мостки.

Некоторое время Дари смотрел на него, словно прося разрешения, потом повернулся и пополз к Фин-Кединну.

Фин-Кединн приподнялся, опершись на одно колено, и протянул к ребенку руки.

И тут Дари случайно выронил прямо в воду своего игрушечного зубра из сосновой шишки и, с горестным воплем потянувшись за ним, чуть сам не свалился в реку. Но Фин-Кединн успел вскочить, схватить его за безрукавку и прижать к себе.

По собравшейся на берегу толпе пролетел вздох облегчения.

У Торака от пережитого ужаса подкашивались ноги. Он видел, что вождь племени Ворона, осторожно ступая, несет Дари к берегу. Вот он уже совсем близко, вот Тулл берет у него Дари и крепко прижимает сына к груди...

А Ослак так и остался стоять на мостках, похожий на косматого озадаченного зубра. Веревка давно выскользнула у него из рук; он не сводил глаз с бурлящей воды. Фин-Кединн, не говоря ни слова, вернулся к нему, взял за плечи и что-то неслышно прошептал ему на ухо.

После его слов тело Ослака разом обмякло, и он послушно пошел с Фин-Кединном на берег. Там на него набросились разом несколько мужчин и повалили на землю. Ослак, казалось, был весьма этим озадачен и, похоже, вообще не понимал, как он сюда попал.

Торак, перепрыгивая с одного плоского камня на другой, тоже добрался до берега и бросил острогу на песок, чувствуя, что его бьет страшный озноб.

– Что с тобой? Тебе плохо? – встревоженно спросила Ренн. На ее темно-рыжих волосах блестели водяные брызги, а лицо было настолько бледным, что на скулах отчетливо проступила племенная татуировка – три темные полосы.

Торак покачал головой, понимая, впрочем, что Ренн ему не обмануть.

А чуть поодаль от них Фин-Кединн спрашивал у Саеунн, уже успевшей спуститься со Сторожевой Скалы:

– Что с ним такое?

Вокруг них к этому моменту собралось почти все племя. Старая колдунья сокрушенно покачала головой:

– Его души борются друг с другом.

– Значит, это что-то вроде безумия? – предположил Фин-Кединн.

– Возможно, – ответила Саеунн. – Но я такого никогда не видела.

– Я видел, – вмешался Торак. И быстро рассказал вождю и колдунье о своей встрече с охотником из племени Кабана.

Саеунн слушала его очень внимательно, и лицо ее все больше мрачнело. Она была старше всех в племени, причем на много-много лет. Старость иссушила ее плоть и отполировала обтянутый кожей череп так, что он приобрел оттенок старой кости, а заострившимися чертами лица колдунья куда больше походила на ворона, чем на женщину.

– Да, мне и кости сказали о том же, – горестно вздохнула она. – Я их раскинула и прочла послание, которое гласило: «Она идет».

– Есть и еще кое-что, – сказала Ренн. – Когда я охотилась, то встретила в Лесу несколько человек из племени Ивы. Один из них был болен. Весь в язвах. Взгляд безумный. Жуть! – Глаза Ренн казались черными бездонными колодцами, когда она посмотрела Саеунн прямо в лицо. – Кстати, колдун из племени Ивы прислал тебе весточку: сказал, что тоже раскидывал кости и кости три дня подряд говорили ему одно и то же: «Она идет».

Люди вокруг зашептались, скреживая пальцы, чтобы отогнать неведомое зло. Некоторые благоговейно касались своих тотемных знаков – черных блестящих перьев ворона, прикрепленных к одежде.

Молодой охотник Итан решительно шагнул вперед, но лицо его выглядело растерянным.

– Я оставил Беру на холме, она там капканы проверяла. У нее на руках были такие же волдыри, как у Ослака. Зря я, наверное, ее там оставил, да?

Фин-Кединн покачал головой. Лицо его оставалось непроницаемым; он задумчиво гладил свою темно-рыжую бороду, но Торак чувствовал, что мысли вождя не знают покоя.

Затем Фин-Кединн, будто очнувшись от своих мыслей, стал быстро раздавать приказания:

– Тулл, Итан, возьмите еще людей и быстро соорудите жилище в липовой роще, подальше от стоянки. Потом отведите туда Ослака и глаз с него не спускайте. А ты, Ведна, даже близко не должна к нему подходить. Прости, но иного выхода у нас нет. – Он повернулся к Саеунн, и его голубые глаза блеснули. – В полночь с помощью исцеляющего обряда ты выяснишь, в чем тут причина.

Глава 4

Ученица колдуньи взяла рог зубра, зачерпнула им горячей золы из костра и высыпала еще дымящуюся золу прямо на свою обнаженную ладонь.

Торак так и охнул.

Но ученица колдуньи даже не поморщилась.

У ее ног Ослак яростно скреб ногтями землю, однако связан он был крепко. Да к тому же его еще и примотали ремнями к носилкам из оленьей шкуры в ожидании последнего заклинания. Бера уже прошла этот обряд, и ее снова унесли в жилище, построенное для больных, – она дико кричала, и ей становилось только хуже.

Колдунья племени Ворона и ее ученица испробовали все. Саеунн мазала языки больных кровью земли, чтобы изгнать безумие. Затем, привязав к пальцам рыболовные крючки, она впала в транс, надеясь с помощью этих крючков поймать ускользающие души несчастных. Потом принялась окуривать больных дымом можжевельника, чтобы изгнать из их плоти червей, вызывающих болезнь. Но ничто не помогало.

Племя Ворона притихло, ожидая, когда Саеунн приготовится к последнему магическому ритуалу. Языки пламени высвечивали в темноте напряженные лица людей.

Ночь была жаркой, звездной. Почти полная луна скользила в небесах над Лесом. Ветер улегся, но в воздухе слышалось множество звуков. Потрескивали костры, над которыми вялилась рыба. Покрикивали вороны в узкой речной горловине. Ревела вода у порогов.

Колдунья подошла к носилкам, на которых лежал Ослак, и простерла костлявые руки к луне. В одной руке она сжимала свой магический амулет, в другой – красную стрелу с кремневым наконечником.

Торак украдкой взглянул на ученицу колдуньи, но по лицу ее сейчас ничего прочесть было невозможно: его толстым слоем покрывала речная глина. И это существо с маской вместо лица совсем не было похоже на прежнюю Ренн.

– О, огонь, очисти телесную душу этого человека... – монотонно выпевала Саеунн, кружа у носилок.

А Ренн, присев на корточки возле Ослака, тонкой струйкой сыпала ему на босые ступни горячую золу. Ослак стонал от боли и до крови кусал губы.

– О, огонь, очисти его племенную душу...

И Ренн посыпала золой то место на груди Ослака, где билось сердце.

– О, огонь, очисти его внешнюю душу, его Нануак...

И Ренн старательно растерла горячую золу по лбу больного.

– Сожги, сожги поселившийся в нем недуг...

Ослак что-то злобно выкрикнул и плюнул в колдунью кровавой слюной.

Шепот разочарования волной пробежал по толпе. Чары не действовали.

Торак даже дышать перестал. И Лес у него за спиной тоже затих. Даже листья осин, похоже, перестали трепетать, ожидая результатов исцеляющего обряда.

Как замороженный, Торак смотрел на Саеунн, которая концом красной стрелы рисовала на груди Ослака спираль и хрипло бормотала:

– Выходи, болезнь, выходи! Из мозга костей – в кости. Из костей – в плоть...

Вдруг Торак, вцепившись пальцами в живот, согнулся пополам от неожиданной резкой боли. Продолжая слушать, как колдунья выпевает свои заклятия, он чувствовал, что внутренности ему словно раздирает что-то острое...

Колдунья медленно закончила рисовать на груди Ослака спираль и снова забормотала:

– Из плоти – в кожу. Из кожи – в стрелу...

И снова у Торака резко свело живот; казалось, боль ему причиняют именно слова Саеунн...

«А что, если и я заболел? – мелькнула у него мысль. – Что, если эта болезнь так и начинается?»

Кто-то крепко взял его за плечо. Это был Фин-Кединн, но смотрел вождь не на него, а на колдунью.

– Из стрелы, – пронзительно выкрикнула Саеунн, вставая на ноги, – в огонь! – И она сунула стрелу в пышущие жаром угли костра.

К небу взвилось зеленоватое пламя.

Ослак дико вскрикнул.

По толпе пролетел испуганный шепот.

Саеунн бессильно уронила руки.

Чары не помогли.

Торак, зажав живот руками, боролся с приступами дурноты.

Вдруг у костра мелькнула черная тень. То был ворон, хранитель племени. Ворон летел прямо на Торака. Торак хотел было уклониться, но Фин-Кединн удержал его на месте, и ворон в последнюю секунду свернул в сторону. Хранитель явно был разгневан: его племя подверглось нападению врага! Но Торак никак не мог понять, почему ворон набросился именно на него.

Он попытался перехватить взгляд Ренн, но она даже головы в его сторону не повернула. Стоя на коленях возле Ослака, она внимательно вглядывалась в те отметины, которые оставили на земле его ногти.

Вырвавшись из цепких рук Фин-Кединна, Торак бросился бежать – мимо часовых, прочь из лагеря, в Лес.

Добравшись до залитой лунным светом полянки, он рухнул на землю, цепляясь руками за ствол ясеня, и его снова так скрутило, что потемнело в глазах. Потом к горлу подступила тошнота, и Торака начало выворачивать наизнанку.

* * *

Закричала сова.

Торак поднял голову и некоторое время смотрел на холодные звезды, просвечивавшие сквозь черную листву ясеня. Потом соскользнул на землю и, свернувшись клубком, обхватил голову руками.

Тошнота и головокружение почти прошли, но его сильно знобило. Ему было страшно и одиноко. Но рассказать об этом он не мог никому, даже Ренн. Пусть она его друг, но она также и ученица колдуньи. И нельзя, чтобы она *это* узнала. Этого никто знать не должен. Если он действительно болен, то лучше умереть в полном одиночестве здесь, в Лесу, чем привязанным к носилкам.

И тут в душу его закралось ужасное подозрение. Ослак говорил, что они пожирают его души... Было ли то бормотанием безумца, или все же в его словах имелась толика правды?

Торак закрыл глаза, пытаясь ни о чем больше не думать и только слушать ночные звуки Леса – трели черного дрозда, попискивания малиновок в подлеске, кормивших птенцов.

Всю свою жизнь Торак бродил по горам и долам с отцом, держась от людей подальше. Истинные обитатели Леса, звери и птицы, были его друзьями и спутниками. И по людям он никогда не скучал. Так что жить в племени Ворона ему оказалось нелегко. Столько лиц вокруг! Так мало времени удается побыть одному. К тому же в этом племени он был чужаком. И жизнь, которую вели эти люди, очень сильно отличалась от его прежней жизни.

А еще Торак ужасно скучал по Волку.

Это уже после гибели отца он наткнулся в Лесу на маленького волчонка. Два месяца потом они вместе охотились в лесу, и не раз обоим грозила страшная опасность. Тогда Волк вел себя как самый обыкновенный детеныш – без конца путался под ногами и во все совал свой нос. Но порой Торак чувствовал, что именно он ведет его; в такие минуты янтарные глаза волчонка светились странной уверенностью. Впрочем, Торак всегда чувствовал в своем четвероногом друге родственную душу; Волк был ему братом. И сейчас без Волка ему было очень, очень плохо.

Тораку часто хотелось отправиться его искать, но в глубине души он понимал: ему никогда больше не найти дороги к Священной Горе. Да и Ренн подтвердила его опасения, с обычной прямотой заявив:

– Прошлая зима действительно оказалась не такой, как все прочие. Но теперь... Нет, Торак, я думаю, из твоих поисков ничего не выйдет.

– Да знаю я! – с досадой откликнулся он. – Но мне кажется, что если все-таки время от времени звать Волка, то он, может быть, меня услышит и придет.

Прошло полгода, но Волк так и не появился. Торак пытался убедить себя, что это даже хорошо: значит, Волк вполне счастлив со своей новой стаей. Но отчего-то сознавать это было большее всего. Неужели Волк совсем позабыл о нем?

Издали с ветром до него донеслись едва слышные знакомые звуки.

Торак тут же сел.

Волчья стая! Воят, праздная удачную охоту.

Торак позабыл и о болезни, и обо всем на свете – волчья песня подхватила его, точно мощный поток.

Он отлично различал сильные голоса главных волков стаи, и более слабые и высокие голоса остальных ее членов, которые лишь уважительно вторили основным певцам, и срывающиеся на визг голоса волчат, пробовавших присоединиться к общему хору. Но, увы, среди всех этих голосов не было слышно того единственного голоса, который он так страстно мечтал услышать.

Впрочем, он знал, что не услышит этого голоса. Его Волк далеко на севере со своей стаей. А волки, которых он слышит сейчас, живут в восточной части Леса, совсем недалеко отсюда, на холмах.

И все-таки попытаться нужно было непременно! Закрыв глаза, Торак поднес сложенные рупором ладони ко рту и провыл волчье приветствие.

В голосах волков сразу послышались тревога и напряжение.

«Где ты охотишься, волк-одиночка?» – провыла главная волчица. Вопрос прозвучал резко, точно приказ.

«На расстоянии многих прыжков от вас, – ответил Торак по-волчьи. – Скажи, среди вас есть больные?»

Он не был уверен, что сумел правильно выразить эту мысль, и, похоже, волки поняли его неправильно.

«Наша стая – хорошая стая! – обиженно завыли они. – Самая лучшая стая в Лесу!»

Торак, в общем-то, не слишком надеялся, что они поймут его. Не так уж хорошо он понимал волчий язык, а выражать по-волчьи собственные мысли почти совсем не умел.

«А все же, – подумал он с внезапной острой болью, – мой Волк непременно понял бы меня!»

Волчья песнь вдруг смолкла.

Торак открыл глаза. И снова очутился на залитой лунным светом поляне, в зарослях темных папоротников и таволги – точно ото сна очнулся.

Негромко захлопали крылья, и на ветку рядом села кукушка. Она внимательно смотрела на Торака круглым глазом в желтом ободке.

Он вспомнил, как Ослак презрительно прорычал: «Ты вообще не из нашего племени! Кукушонок!» Конечно, это был просто бред сумасшедшего, но в чем-то Ослак прав. Кукушка пискнула и улетела: кто-то ее спугнул.

Торак бесшумно встал, рука сама собой потянулась к ножу.

Залитая ярким светом поляна казалась совершенно пустой.

В двух шагах к востоку протекал небольшой ручеек, стремившийся к Широкой Воде. Торак осторожно осмотрел ближнюю часть берега в поисках каких-либо следов, но ничего не обнаружил, не нашел даже шерстинок, застрявших в траве, или надломленных веточек.

Но кто-то все-таки прятался рядом! Торак чувствовал это!

Подняв голову, он внимательно вгляделся в темную крону раскидистого бука.

И заметил, что из ветвей прямо на него смотрит какое-то существо. Маленькое. Злобное. Волосы как сухая трава, а лицо – из листьев!

Он видел его одно лишь мгновение. Затем вздохнул ветер, шевельнул ветки, и существо исчезло.

* * *

Он так и стоял под деревом, застыв как истукан, держа в руке нож и задрав голову вверх, когда его отыскала Ренн.

– Что случилось? – встревоженно спросила она. – Почему ты убежал? Ты что, съел что-нибудь не то? – Ей явно не хотелось высказывать вслух предположение о том, что и он, возможно, болен.

– Да нет, со мной все в порядке, – соврал Торак. Но руки его сильно дрожали, когда он засовывал нож в ножны.

– У тебя губы совсем серые, – заметила Ренн.

– Ничего, все уже прошло, – снова соврал он.

Когда Торак уселся с нею рядом под буком, Ренн мельком глянула ему на руки: никаких волдырей видно не было, и она вздохнула с облегчением, стараясь, впрочем, не выдать охватившую ее радость.

– Может, тебе плохой гриб попался? – предположила она.

– А Тайный Народ, – не слушая ее, спросил вдруг Торак, – какой он на вид?

– Что? Да ты же не хуже меня знаешь, что они точно такие же, как мы с тобой! Хотя если повернутся спиной, то может показаться, что они будто сгнили...

– А лица у них какие?

– Я же сказала: как и у нас! А что? Почему ты спрашиваешь?

Торак покачал головой:

– Мне показалось, я что-то такое видел... И подумал: а что, если это Тайный Народ ту болезнь вызвал?

– Нет, – сказала Ренн. – Это вряд ли. – Она по-прежнему не решалась рассказать ему, что узнала во время исцеляющего обряда. Нет, это же просто несправедливо! После всего того, что Тораку довелось пережить прошлой зимой!..

Чтобы отложить неприятный разговор, Ренн спустилась к ручью и принялась смывать с лица глину, но сперва с трудом скovyрнула с ладоней толстый слой, позволявший спокойно держать в руках горячую золу. Потом нарвала целую пригоршню влажного мха и вернулась к Тораку.

– Приложи мох ко лбу, – велела она ему. – Сразу легче станет.

Усевшись напротив, она вытряхнула из своего мешочка с припасами несколько лесных орехов и принялась камнем разбивать скорлупки. Одно ядрышко она протянула Тораку, но он отказался. Она чувствовала, что им обоим не хочется говорить о болезни, но оба они только о ней и думают.

Торак спросил, как она его отыскала.

Ренн фыркнула:

– Я, может, и не умею разговаривать по-волчьи, но уж твой-то вой запросто где хочешь узнаю! – Она помолчала. – От Волка по-прежнему ни слуху ни духу?

– Нет.

Ренн съела еще орех.

– Скажи, ведь этот исцеляющий обряд... не помог? – наконец неуверенно спросил Торак.

– Пожалуй, после него им стало еще хуже. Теперь и Ослак, и Бера считают всех в племени своими врагами. – Ренн нахмурилась. – Саеунн говорит, что слышала раньше о подобных недугах – только очень-очень давно, сразу после Великой Волны. Тогда вымирали целые племена. Например, племя Косули, племя Бобра. Она говорит, что когда-то, возможно, существовало средство, способное исцелить эту болезнь, но теперь все позабыли, как готовить это лекарство. А еще она говорит – это болезнь, которая коренится в страхе. И сама как бы выращивает этот страх. Как дерево – листья.

– Как дерево – листья, – шепотом повторил Торак. Подобрал с земли веточку, он принялся неторопливо счищать с нее кору. – А откуда она приходит, эта болезнь?

Все. Больше молчать было нельзя. Ей придется все ему рассказать!

– Помнишь, – нехотя начала Ренн, – что Ослак говорил на мостках?

Торак стиснул пальцами палочку.

– Да. Я тоже все время об этом думаю. Он сказал: «Они едят мои души...» – Торак сглотнул комок в горле. – Неужели это Пожиратели Душ?

И вдруг понял, что птицы вокруг перестали петь, а темные деревья насторожились.

– Ты ведь это хотела сказать? – спросил он Ренн. – По-твоему, именно Пожиратели Душ болезнь вызывают?

Ренн ответила не сразу.

– Возможно. А тебе так не кажется?

Торак вскочил и нервно забегал по поляне, сшибая своей палкой верхушки папоротников. Потом остановился и сказал, пожав плечами:

– Не знаю. Я не знаю даже, кто они такие.

– Торак...

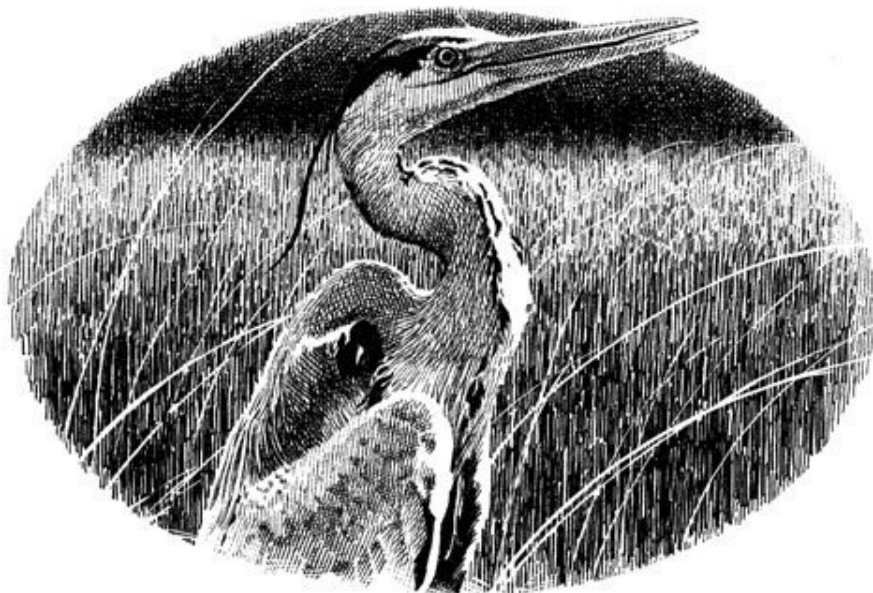
– Единственное, что я знаю, – воскликнул он с неожиданной яростью, – что они были колдунами и лечили людей, а потом стали творить зло! И еще я знаю, что мой отец был их заклятым врагом, хотя сам он никогда ничего мне и не рассказывал. – Торак срубил верхушку папоротника. – И еще я знаю, что случилось нечто такое, что сломило их, лишило власти, и они куда-то исчезли, а люди стали думать, что они исчезли навсегда. Но это было не так. И прошлым летом... – он запнулся, – прошлым летом какой-то хромоногий Пожиратель Душ создал того медведя, который убил моего отца!

Торак сердито топнул ногой и отшвырнул свою палку.

– А что, если ты ошибаешься, Ренн? – спросил он, взяв себя в руки. – Что, если это вовсе и не...

– Торак... нет, ты послушай меня! Дело в том, что Ослак начертил на земле знак. Это был трезубец – таким колдуны ловят души. И это символ Пожирателей Душ.

Глава 5

Пожиратели Душ!

Их существование тесно переплелось с его жизнью, и все же он знал о них очень мало. Знал лишь, что их семеро, все они из разных племен и каждый одержим жадной властью.

Где-то ниже по течению пронзительно взвизгнула лисица. В противоположном углу жилища не спала, ворочалась с боку на бок Ведна: тревожилась, бедная, о муже. А Торак, свернувшись в спальном мешке, думал, какое же зло должно было поселиться в этих Пожирателях Душ, если они способны наслать на людей такую болезнь, от которой они вымирают целыми племенами...

Неужели потом это зло будет править всем Лесом?

Нет, подчинить себе Лес не может никто! Никто не может завоевать деревья или сделать так, чтобы звери перестали следовать древнейшему распорядку жизни, в основе которого лежит лунный месяц. Никто не может приказывать охотникам, где именно они должны охотиться.

Когда Торак наконец заснул, то и во сне не обрел покоя. Сон, приснившийся ему, был поистине ужасен: скрючившись на темном склоне какого-то холма и похолодев от ужаса, он видел, как к нему подползают безликие Пожиратели Душ. Он попытался встать, бежать от них, оттолкнулся рукой от земли, и рука его наткнулась на что-то мягкое, покрытое чешуей. И эта тварь извивалась и кусалась! Он в ужасе рванулся в сторону, но оказалось, что корни деревьев плотно обвили его ноги. Какая-то темная крылатая тень, шурша кожистыми крыльями, камнем упала с небес... И тут Пожиратели Душ настигли его, и злоба, исходившая от них, обжигала, как огонь...

* * *

Когда Торак проснулся, наступал рассвет. Дыхание Леса окутало деревья туманной дымкой. И он уже твердо знал, что должен сделать.

– Ослаку лучше не стало? – спросил он Ведну, помедлив на пороге.

– Да нет, все то же, – вздохнула она.

Торак заметил, что глаза у нее покраснели от слез, но она так гневно глянула на него, что ему сразу расхотелось ей сочувствовать.

– Ты Фин-Кединна не видела? – спросил он. – Мне с ним поговорить нужно.

– Он на берегу. Только ты бы лучше оставил его в покое.

Но Торак слушать ее не стал.

Вокруг уже всю кипела работа. Рыболовы с острогами в руках застыли на мостках над рекой, кто-то разжигал костры, кто-то готовил еду. Издалека доносился звонкий стук молота по камню. Все старались чем-то занять себя, чтобы не думать об Ослаке и Бере, связанных и запертых в отдельном жилище.

Торак пошел по тропе, идущей вдоль берега вниз по течению реки – мимо порогов и за излучину. Вскоре стоянка скрылась из виду. Здесь Широкая Вода становилась значительно спокойнее, лососи мелькали в темно-зеленой воде, точно серебристые дробинки.

Фин-Кединн, устроившись на валуне у самой воды, мастерил нож. Необходимые для этой работы инструменты лежали рядом: два тяжелых камня, служившие молотом и наковальней, правильный камень и чаша, полная черной кипящей сосновой смолы. У ног Фин-Кединна во мху высилась небольшая горка каменных осколков, острых как иглы.

Стоило Тораку подойти к вождю племени ближе, и сердце его радостно забилося. Он всегда восхищался Фин-Кединном, но немного побаивался его. Когда погиб отец, Фин-Кединн принял Торака в свое племя, но ни разу не предложил усыновить его. И вел себя с ним как бы немного отстраненно, словно решил не подпускать его к себе слишком близко.

Торак остановился и, сжав кулаки, выдавил из себя:

– Мне нужно поговорить с тобой.

– Ну так говори, – кивнул Фин-Кединн, не поднимая глаз.

Торак судорожно сглотнул и пробормотал довольно невнятно:

– Пожиратели Душ... Это они насылают болезнь! А мне самой судьбой велено с ними сражаться. И я буду сражаться с ними!

Фин-Кединн молча изучал темно-желтый камень размером с его кулак. Это было Морское Яйцо: редкая вещь в Лесу. Племя Ворона использовало для изготовления оружия в основном слюду, рог или кость, потому что кремь – да еще в виде Морского Яйца – можно было найти только на побережье, где морские племена обменивали его на рог и шкурки лосося.

Торак в отчаянии смотрел на молчавшего вождя, но все же попробовал начать еще раз:

– Я должен остановить их! Я должен положить этому конец!

– Как? – спокойно спросил Фин-Кединн. – Ты же не знаешь, где они. И никто из нас не знает. – Одним из тяжелых камней, точно молотком, он простучал все Морское Яйцо, чтобы убедиться, что в кремне нет трещин.

У Торака невольно выступили на глазах слезы, и он поспешно стряхнул их с ресниц: этот осторожный стук камня о камень вызвал в его душе болезненные воспоминания. Он вырос под эти звуки – отец часто колот кремь у костра, – и они казались ему воплощением безопасности. Ах, как он ошибался!

– Ренн сказала мне, – начал он, – что когда-то давно сюда уже приходила такая болезнь. И тогда ее умели лечить. Так, может быть...

– Именно это я всю ночь и пытался выяснить, – сказал Фин-Кединн. – Ходят слухи, что один из колдунов, живущих в самом Сердце Леса, знает, как исцелить такой недуг.

– Где же его найти? – вскричал Торак. – И как раздобыть это средство?

Фин-Кединн один раз сильно и резко ударил по кремню, и у «яйца» ровненько откололась самая верхушка. Внутри Морское Яйцо было темно-янтарным с красноватыми прожилками.

– Не спеши, – сказал вождь. – Сперва подумай. Нетерпение не доведет тебя до добра.

Торак послушно замолчал и сел на землю, теребя травинку.

Маленьким молоточком из рога Фин-Кединн осторожно, тщательно рассчитывая силу удара, откалывал от кремня острые кусочки определенного размера и толщины.

«Тук! Тук!» – неторопливо приговаривал молоток, словно призывая Торака проявить терпение.

Наконец Фин-Кединн заговорил:

– Ночью на лодке к нам приплыла женщина из племени Выдры. У них там двое заболевших.

Торак похолодел. Племя Выдры обитало далеко на востоке, на берегу озера Топора.

– Значит, она уже везде... – пробормотал он. – И мне надо поскорее отыскать дорогу к тому колдуну в Сердце Леса! Если еще осталась хоть какая-то надежда...

Фин-Кединн вздохнул.

– А кого еще ты можешь послать? – спросил Торак, читая на лице вождя сомнение. – Ты нужен здесь. Саеунн слишком стара для такого путешествия. Все остальные тоже заняты: нужно ухаживать за больными, охотиться, ловить лосося...

Фин-Кединн выбрал резец из оленьего рога примерно в палец длиной и несколькими легкими движениями заточил один из осколков кремня.

– Племена, обитающие в лесной чаще, нашими делами почти не интересуются. Почему ты решил, что они захотят нам помочь?

– А это еще одна причина, по которой пойти туда должен именно я! – загорелся Торак. – Моя мать родом из племени Благородного Оленя! Так что я им все-таки родственник, они должны будут меня выслушать!

Правда, матери своей Торак не знал: она умерла, едва он успел появиться на свет, а потому особой уверенности в собственных словах сейчас не испытывал.

Лицо Фин-Кединна слегка дрогнуло и снова окаменело; взяв в руки будущую рукоять ножа – кусок берцовой кости северного оленя с заранее проделанной в ней щелью, – он обмакнул заточенный осколок кремня в сосновую смолу и воткнул его в прорезь.

– А тебе не приходило в голову, – сказал он, – что Пожиратели Душ именно этого и добиваются? – Его синие глаза так пронзительно сверкнули, что Торак не выдержал и потупился. – Прошлой зимой, после твоего сражения с заколдованным медведем, я запретил всем говорить об этом случае с чужаками. Впрочем, тебе это известно.

Торак кивнул.

– И теперь единственное, что может быть известно Пожирателям Душ, – это то, что кто-то из лесных жителей обладает волшебной силой. *Но они не знают, кто именно.* – Фин-Кединн помолчал. – Они не знают, кто это, Торак! Как не знают и того, какова природа этой силы. И никто из нас не знает.

Торак затаил дыхание. Фин-Кединн эхом повторил слова его умирающего отца:

– «Держись от людей подальше, Торак! Если они узнают, на что ты способен...»

А на ЧТО он способен? Некоторое время он был уверен, что отец имел в виду его способность разговаривать по-волчьи. Но из слов Фин-Кединна следовало, что это еще далеко не все.

– Даже сама эта болезнь, – продолжал меж тем вождь племени Ворона, – может быть просто ловушкой, способом выманить тебя, заставить раскрыться.

– Но даже если это и так, что я-то могу с этим поделать? – горестно воскликнул Торак. – Я должен помочь Ослаку! Не могу видеть, как он страдает!

Суровое лицо Фин-Кединна смягчилось.

– Да, я понимаю. Мне это тоже невыносимо тяжело.

Оба надолго замолчали. Фин-Кединн отколол и заточил еще несколько тонких пластинок кремня, а Торак задумчиво смотрел за реку. Солнце поднялось уже высоко, и вода ослепи-

тельно сверкала. Прищурившись, Торак заметил на том берегу цаплю, затем обратил внимание на ворона, подбиравшегося к вылившейся на стойках лососине.

Между тем нож был уже готов: примерно в локоть длиной, весь покрытый острыми зубцами, чем-то напоминавшими зубы росомахи. Фин-Кединн обмотал рукоять сильно расплюснутым и ставшим совсем мягким сосновым корнем, чтобы руке было приятнее и удобнее держать оружие, и удовлетворенно заметил:

– Ну вот! А теперь покажи-ка мне твой нож.

Торак нахмурился:

– Что?

– Ты же слышал. Покажи мне твой нож.

Озадаченный этой странной просьбой, Торак вытащил из ножен отцовский нож и протянул его вождю.

Этот нож был очень красив: лезвие из голубой слюды имело форму вытянутого листка, а рукоять, сделанную из оленьего рога, отец обмотал для удобства лосиными жилами. По словам отца, голубое лезвие сделал мастер из племени Тюленя, к которому принадлежала мать отца. Это она подарила нож отцу Торака, когда тот достиг возраста настоящего мужчины; а уж рукоять он сделал сам, по своему вкусу. Перед смертью он отдал свой нож Тораку, и Торак очень им гордился.

Но Фин-Кединн, повертев отцовский нож в руках, покачал головой:

– Слишком тяжел для тебя. Это нож колдуна, и сделан он для проведения магических обрядов. – Он вернул нож Тораку, помолчал и прибавил: – Впрочем, он всегда слишком легкомысленно относился к подобным вещам.

Тораку страшно хотелось, чтобы Фин-Кединн сказал еще что-нибудь об отце, но он больше не прибавил ни слова. Критически осмотрев свой новый нож, Фин-Кединн провел по лезвию указательным пальцем, проверяя его остроту и балансировку. Нож был отличный.

Просто замечательный нож!

Вождь подбросил нож, ловко поймал его за лезвие и протянул Тораку:

– Возьми. Я его для тебя делал.

Потрясенный до глубины души, Торак не сразу решился принять столь ценный подарок.

Но Фин-Кединн одним движением руки остановил поток его благодарственных излияний и встал, тяжело опираясь на посох.

– Отныне, – сказал он сурово, – прячь подальше отцовский нож, да и материн рожок с охрой тоже. А если тебя кто-нибудь спросит о родителях, ничего никому о них не рассказывай.

– Но я не понимаю... – начал было Торак и умолк, потому что Фин-Кединн, не слушая его, вдруг уставился на реку и замер как вкопанный.

Торак прикрыл глаза рукой от солнца, но оно все равно слепило так, что видно было плохо. Торак разглядел цаплю на том берегу и какое-то бревно, плывущее по самой середине реки вниз, к порогам.

В лагере вдруг пронзительно закричала какая-то женщина: ее жуткий вопль заглушил даже грохот порогов. Торак похолодел от ужаса.

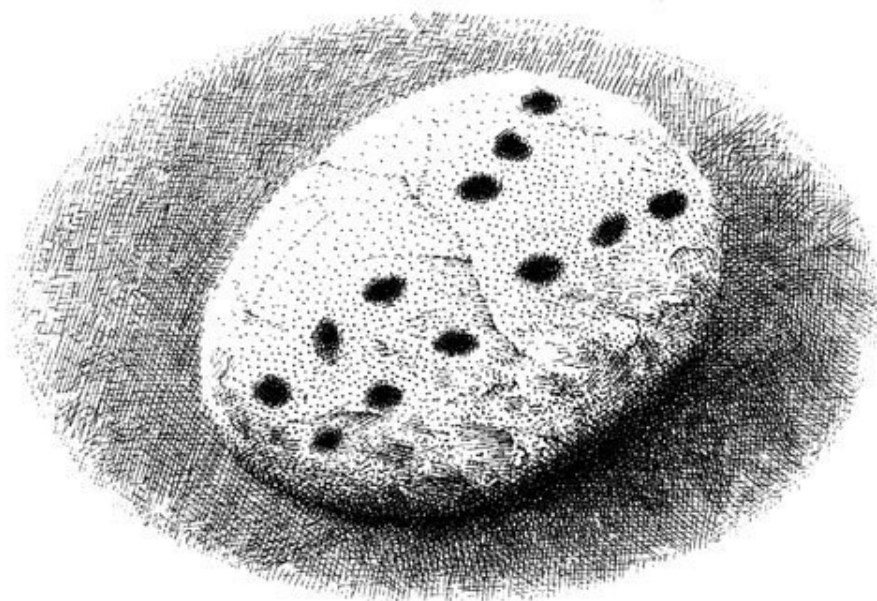
От стоянки по тропе бежали мужчины и женщины.

У Торака перехватило дыхание.

Это вовсе не бревно плыло по реке к порогам.

Это был Ослак.

Глава 6

Ослак не оставил себе путей к отступлению. Он перегрыз связывавшие его ремни, незаметно выскользнул из охраняемого жилища для больных, взобрался на Сторожевую Скалу и бросился с нее в реку.

Скорее всего, он умер сразу, ударившись о воду. Во всяком случае, Торак очень на это надеялся. Даже думать не хотелось о том, что Ослак, возможно, будет еще жив, когда достигнет порогов.

На стойбище царила мертвая тишина. Даже Ведна умолкла и стояла, застыв как изваяние, когда мужчины пронесли мимо нее на носилках тело Ослака. Носильщики старались не касаться мертвого руками, ибо это могло рассердить его души, которые все еще находились поблизости, а рисковать подобным образом было опасно.

Когда носилки опустили на землю возле жилища Ослака, колдунья Саеунн тут же села рядом и, надев на палец специальный кожаный наперсток, нанесла красной охрой на тело покойного Метки Смерти – они должны были помочь его душам остаться вместе во время путешествия в Иной Мир. А потом соплеменники отнесут тело Ослака в Лес и постараются сделать это как можно быстрее, чтобы не искушать его души соблазном остаться среди живых.

Фин-Кединн стоял чуть в стороне, и лицо его казалось высеченным из гранита. Он никак не проявил своего горя, когда велел удвоить надзор за Берой, вынести из жилища Ослака все его имущество и бросить в костер. Но Торак видел, как нелегко ему дается это внешнее спокойствие. Ведь именно он, вождь племени, обещал Ослаку обеспечить его безопасность. И теперь, конечно же, станет казнить себя за то, что ему это не удалось.

Вина – страшное бремя.

Торак тоже чувствовал, как она камнем легла на его душу.

Нет, хватит бездействовать! Когда племя Ворона отправится в Лес провожать Ослака в последний путь, он, Торак, останется здесь – он ведь не член племени – и получит возможность уйти незамеченным. А потом попытается проникнуть в Сердце Леса и отыскать средство, способное исцелять от этой проклятой болезни.

Но сперва необходимо еще кое-что сделать.

Готовясь к похоронам, женщины принесли глину для нанесения особых меток. И пока все были заняты, Торак осторожно пробрался к подножию Сторожевой Скалы. Если его подозрения справедливы, если существо с лицом из листьев имеет какое-то отношение к смерти Ослака, то оно, возможно, оставило следы.

Обращенная к реке сторона Сторожевой Скалы была почти отвесной, зато с противоположной, восточной, стороны Скала напоминала просто довольно крутой холм. Здесь взобраться наверх можно было без особого труда, особенно если соблюдать известную осторожность. Земля у подножия была утрамбована множеством ног, как и тропа, ведущая на вершину по восточному склону. И все же, хорошенько приглядевшись, кое-какие следы на утоптанной земле Торак разобрать сумел.

Среди них были и отпечатки ног сухонькой Саеунн, вчера поднимавшейся на вершину, и следы собачьих лап, поперек которых виднелись отчетливые трехпалые птичьи «галочки»: собака бежала наверх, а ворон дразнил ее. И поверх всего этого виднелись отпечатки ног крупного мужчины – но только его пальцев и пяток. Ослак, видимо, торопился и взбирался на вершину Скалы бегом.

У Торака перехватило дыхание, но он постарался проглотить застрявший в горле горький комок: ничего, потом будешь горевать, когда в путь выйдешь!

Он медленно пошел по следам Ослака на вершину скалы.

На бегу из-под ног Ослака во все стороны разлетались камешки и мох. В одном месте он, видимо, поскользнулся, упал и сильно ударился: на земле виднелись капельки крови. А потом снова бросился бежать.

«Да уж, бежал он со всех ног, – думал Торак. – Словно за ним гнались все злые духи Иного Мира!»

На вершине скалы Торак наконец нашел то, что так боялся увидеть. Новые следы. Маленькие и едва заметные. Но было совершенно ясно: тот, кто оставил эти следы, бежать и не думал. Он стоял совершенно неподвижно почти у самого края обрыва и смотрел, как Ослак прыгает вниз, навстречу смерти.

Ступни неведомого существа были не больше, чем у ребенка лет восьми-девяти.

Но заканчивались они острыми когтями.

* * *

Племя уже готовилось к отправке в Лес, когда Торак разыскал Ренн. Устроившись возле большого костра, она растирала в ступке охру для предстоящего похоронного обряда.

На лице у нее речной глиной были нанесены полосы – знак траура у племени Ворона, – но полосы уже успели расплыться: слезы прорыли в глине бороздки. Никогда раньше Торак не видел, чтобы Ренн плакала. Заметив его, она принялась старательно моргать, стряхивая с ресниц слезы.

– Ренн, – сказал он, присаживаясь возле нее на корточки и стараясь говорить как можно тише, чтобы никто их не услышал, – я хочу кое-что рассказать тебе. Дело в том, что когда я поднялся на Сторожевую Скалу...

– А что ты там делал?

– Я нашел там следы.

Саеунн окликнула Ренн с противоположного конца поляны:

– Идем, Ренн! Пора!

– Здесь есть кто-то чужой! – твердо заявил Торак. – И я его видел!

И снова колдунья позвала Ренн.

– Торак, я должна идти! – Ссыпав охру в мешочек и сунув его в сумку с целебными травами, Ренн вскочила. – Мы недолго. Расскажешь мне все, когда я вернусь, хорошо? И следы покажешь.

Торак кивнул, стараясь не встречаться с ней взглядом. Его ведь уже не будет здесь, когда она вернется! А сказать ей, что уходит, он не мог, потому что она, конечно же, попытается остановить его или потребует взять ее с собой. А этого ни в коем случае нельзя допустить. Если Фин-Кединн прав и существует возможность того, что Пожиратели Душ пытаются заманить его, Торака, в ловушку, то уж жизнью Ренн он рисковать никак не намерен. Впрочем, и своей собственной тоже.

– Мне очень жаль, что тебе нельзя с нами пойти, – сказала Ренн, и на душе у Торака стало еще хуже. Затем она убежала, чтобы занять место во главе племени рядом со своим дядей Фин-Кединном.

Торак смотрел, как племя Ворона уходит в Лес. Он знал, что сперва они унесут тело Ослака довольно далеко от стоянки, а потом начнут строить Помост Смерти – небольшое возвышение из стволов и веток рябины, – на который возложат тело покойного головой против течения реки. И, подобно лососям, души Ослака отправятся в свое последнее странствие вверх по реке, к Высоким Горам.

Обряд у Помоста Смерти короток; попрощавшись с покойным, племя оставит его тело в Лесу, чтобы оно стало пищей обитателей Леса, которые прежде, при жизни, служили пищей самому Ослаку. А через три лунных месяца Ведна соберет его кости и отнесет их на кладбище племени. И в течение пяти ближайших лет ни она, ни кто-либо другой не станут произносить имя Ослака вслух. Этот закон соблюдается очень строго – иначе души умершего могут начать вмешиваться в жизнь живых, а это сулит множество неприятностей.

Стоя на поляне, Торак смотрел вслед процессии, пока последний человек из племени Ворона не исчез в Лесу. На стоянке остались только собаки, сторожившие улов лосося. Чувствуя себя безмерно одиноким, Торак бросился собирать пожитки.

В свой легкий плетеный ранец он сунул небольшой новый бурдюк для приготовления пищи, мешочек с целебными снадобьями, трутницу, рыболовные крючки, отцовский нож, завернутый в кусок сыромятной кожи, и материн рожок с охрой; отдельно положил лук, колчан со стрелами и скатанный спальный мешок; за пояс сунул небольшой базальтовый топорик. Он старался не вспоминать о том дне, когда прошлой осенью вот так же спешно собирал пожитки, а рядом умирал его отец...

Торак стиснул в руке рукоять нового ножа, подаренного ему Фин-Кединном. Этот нож действительно был легче и удобней для него, чем отцовский, но ни один нож на свете никогда не сумеет заменить бесценный дар отца...

«НЕ СМЕЙ ДУМАТЬ ОБ ЭТОМ! – приказал он себе. – Сейчас самое главное – поскорее убраться отсюда подальше, пока они не вернулись, и на этот раз не забыть прихватить с собой хотя бы небольшой запас еды».

После того, что случилось с Ослаком, он видеть не мог лососину: ни копченую, ни вяленую в виде сухих лепешек, сдобренных ягодами можжевельника. Вместо рыбы он взял несколько ломтиков вяленой лосятины из той связки, что висела в жилище Тулла. Этого ему должно хватить на те несколько дней, которые потребуются, чтобы добраться до Сердца Леса.

Но сколько дней займет этот путь? Три? Пять? Торак не знал. Он никогда даже близко к этим местам не подходил и за всю свою жизнь видел только двух обитателей лесной чащи: молчаливую женщину из племени Благородного Оленя с красной полоской в волосах, сделанной «кровью земли», и ту девушку с дикими глазами из племени Зубра, череп которой был так уродливо облеплен желтой глиной. Ни та ни другая не проявили к нему ни малейшего интереса, и, несмотря на то что он тогда сказал Фин-Кединну о своем родстве с племенем Благородного Оленя, на теплый прием в этом племени он вовсе не рассчитывал.

Когда он проходил мимо жилища вождя, его словно ударило: ведь он, возможно, навсегда покидает племя Ворона!

«Сперва ты потерял отца, потом Волка. Теперь вот Ослака, и Фин-Кединна, и Ренн...»

В жилище было темно. Угол, занимаемый Фин-Кединном, теперь был пуст и аккуратно прибран, а вот в уголке, где жила Ренн, царил страшный беспорядок: ее спальный мешок был скомкан и весь усыпан стрелами, которые она не успела закончить... Ренн, конечно же, страшно разозлится, потому что он ушел без нее. Но попроситься с ней он никак не мог.

И тут ему пришла в голову удачная мысль. Он выбежал наружу, отыскал плоский белый камешек, потом срезал с ближайшего вяза полоску коры, предварительно пробормотав слова благодарности духу дерева, и тщательно разжевал кору. Выплюнув красноватую кашицу на ладонь, он нарисовал на камешке свой племенной знак: две прерывистые линии, точно две цепочки волчьих следов; одна из линий посередине казалась разорванной, но этот пропуск не был частью знака – так Торак хотел изобразить маленький шрам у себя на щеке, чтобы Ренн сразу догадалась, кто это рисовал.

Закончив «послание», Торак на мгновение замер, уставившись на свои руки, красные от сока вяза. Прошлой осенью он точно так же перепачкался, когда давал Волку ИМЯ. Он тогда и волчонку лапы соком измазал, а потом просто в отчаяние пришел, когда этот дурачок принялся сок слизывать...

– Не думай о Волке! – во весь голос выкрикнул он. – Ни о ком из них не думай!

Пустая стоянка ответила ему насмешливым молчанием. «Что ж, Торак, теперь ты сам по себе».

Он торопливо сунул белый камешек под спальный мешок Ренн и выбрался на солнце.

Лес был полон птичьего гомона и до боли прекрасен. Но Торака это совершенно не радовало.

Закинув за плечо лук, он решительно повернул на восток, туда, где находилось самое Сердце Леса.

Глава 7

Тоска бежала рядом с Волком, точно один из невидимых собратьев по стае.

Он страшно тосковал по Большому Бесхвостому. Ему очень хотелось вновь увидеть его странную, лишенную шерсти морду, услышать его смешной, по-щенячьи неровный вой и эти странные звуки, похожие на лай или повизгивание, которые он издает, когда смеется...

Много раз Волк отбегал подальше от стаи и выл, призывая Большого Брата. Много раз бежал по кругу, не зная, как поступить, и разрываясь между зовом Горы и зовом Большого Брата.

Других волков – волков из его новой стаи – страшно удивляло подобное поведение.

«Но ведь теперь у тебя есть мы! – говорили они. – И, кроме того, ты еще так молод! Тебе столькому предстоит учиться! Ты даже охотиться на крупную дичь еще не умеешь – разве сможешь ты прожить в одиночку? Остайся с нами!»

Они были сильной, дружной стаей, и бывали времена, когда Волк действительно чувствовал себя счастливым на Горе Большого Грома. Они устраивали веселые игры – например, «поймай-лемминга-в-снегу» – или прыгали в озера, распугивая уток. И все-таки эти волки совсем не понимали его.

Вот о чем думал Волк, бежавший к вершине своего любимого холма, куда долетали запахи Леса.

Отсюда до Леса нужно было бежать очень-очень долго, и все же, стоя на вершине этого холма, Волк легко улавливал и запах новорожденного козленка, от которого пасть у него наполнялась слюной, и острый аромат смолы, исходящий от сломанной ветром ели. Он слышал неторопливое чавканье кабана, валявшегося в болотце, и пронзительный писк детеныша выдры, свалившегося с ветки. О, как ему хотелось вновь очутиться в Лесу, рядом с Большим Братом!

Но как же ему вернуться туда?

Волка останавливала не столько мысль о том, что придется покинуть стаю, сколько страх перед Большим Громом. Большой Гром ни за что не позволит ему уйти отсюда!

Гром мог напасть на него в любую минуту – даже сейчас, когда наверху все ясно и тихо и не слышно его гневного дыхания. Большой Гром мог, наслав бурю, сровнять Лес с землей; мог наслать на Лес того Яркого Зверя, Который Больно Кусается и мгновенно обратить в прах деревья, скалы и даже волков. Он был всемогущ. И это Волк понимал отлично: ведь именно Большой Гром отнял у него родителей и братьев, когда он был еще совсем малышом, уничтожив всю стаю.

Он тогда отошел от Логова совсем чуть-чуть, на разведку, а когда вернулся, Логова как не бывало. И все волки – его мать, отец, братья, сестры – лежали в грязи мокрые, холодные и неподвижные. Большому Грому даже близко подходить не понадобилось, чтобы их уничтожить. Он просто послал с гор Быструю Воду, и она с ревом обрушилась на Логово и всех утопила.

В те дни Волк чувствовал себя страшно одиноким и ему очень-очень хотелось есть. А потом в его жизни появился Большой Бесхвостый. Он делился с Волком своей добычей, позволял сворачиваться клубком у него на груди, когда они ложились спать. Они вместе пели волчьи песни и играли шкурками убитых зверюшек. Большой Бесхвостый стал его братом.

И был он, конечно же, настоящим волком, это любой мог почуять, но все-таки волком необычным. На голове у него росла длинная темная шерсть, зато на всем остальном теле шерсти не было вовсе; вместо шерсти на Большом Брате болталась какая-то чересчур свободная вторая шкура – и он запросто мог ее с себя снять! Морда у него была не вытянутая, а плоская, а его жалкие маленькие зубы оказались безнадежно тупыми. Но самое странное – у Большого Брата вообще не было хвоста!

Зато пел и говорил он, как настоящий волк, хотя ему никогда и не удавалось взять верхние ноты. И глаза у него были волчьи: светло-серые, полные затаенного света. А уж в том, что сердце и душа у него самые что ни на есть волчьи, сомневаться и вовсе не приходилось.

И сейчас Волк в очередной раз стоял на вершине холма и чувствовал, как его опять охватывает горькая печаль. Он поднял морду и тоскливо завыл.

Вдруг чуткий нос его уловил какой-то незнакомый запах.

Пахло не охотником и не добычей, не деревьями и не землей, не Быстрой Водой и не валунами. Нет, запах был плохой! Очень плохой! И ветер разносил этот отвратительный запах по всему Лесу!

Волк даже заскулил от беспокойства. Его Большой Бесхвостый Брат сейчас там, внизу, и ему грозит неведомая опасность!

Теперь Волк точно знал, что нужно делать. Пусть этот Большой Гром приходит за ним! Он больше его не боится! Ведь сейчас он так нужен Бесхвостому Брату!

И Волк прыжками понесся с вершины горы вниз, к Лесу.

* * *

Пока он бежал, Тьма два раза сменяла Свет, но он ни разу не изменил своего курса: хвост держал точно к Горам, а нос – туда, где Горячий Яркий Глаз ложится спать.

И по пятам за Волком, щелкая зубами, гнался страх.

Он боялся гнева незнакомых волков, чью территорию ему приходилось пересекать; если бы они его поймали, то запросто могли бы разорвать на куски.

Он боялся гнева Большого Грома.

Но больше всего он боялся за своего Бесхвостого Брата.

Волк все бежал, и страшный запах становился сильнее. Да, кто-то ужасный напал на Лес!

Без устали Волк сновал среди деревьев, отыскивая стаи бесхвостых. Одни из них пахли кабаном, другие – выдрой, но он знал, что нужная ему стая должна пахнуть вороном. Большой Брат присоединился тогда именно к этой стае.

И наконец ему удалось ее отыскать – на берегу свирепой Быстрой Воды.

Как он и ожидал, никто даже не заметил, что он рядом. Это была одна из очень странных вещей в поведении бесхвостых. Хотя во многих отношениях они очень напоминали волков – были умны и храбры, любили поговорить и поиграть, самозабвенно любили свою стаю, – но вот чутья СОВСЕМ не имели и были почти глухими. Так что Волка никто не заметил, хотя он в поисках Большого Брата слонялся у самого их Логова.

Но найти его не мог.

Весь прошлый день шел дождь, и многие запахи просто смыло, но, если бы Высокий Бесхвостый был тут, Волк непременно бы его учуял.

Вдруг повеяло знакомым запахом: вожак этих бесхвостых сидел возле Яркого Зверя, Который Больно Кусается, и рядом с ним на корточках сидела та молоденькая бесхвостая самка, которую Большой Брат считал своей сестрой. Она что-то говорила вожаку, слегка повизгивая, как это делают все бесхвостые, и голос ее звучал одновременно сердито и печально.

Волк понял: она тоже беспокоится о Бесхвостом.

И принялся еще более старательно искать его. Но нашел лишь большое пятно совершенно голой земли, которое пахло свежей золой, и несколько странных прямых деревьев, с которых свисало множество рыбин. Помедлив минутку, Волк проглотил несколько штук и снова бросился в Лес на поиски Бесхвостого Брата.

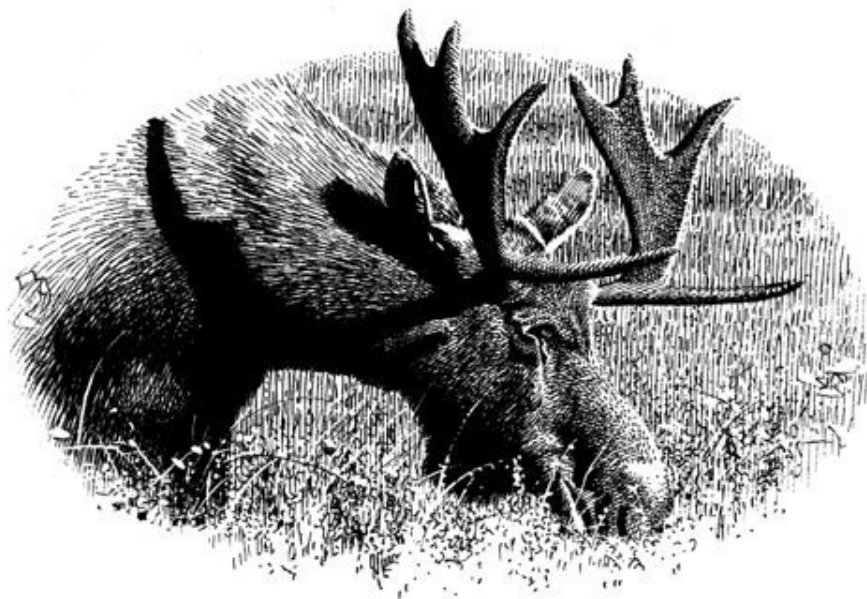
Быть может, Брат пошел на охоту? Да, это вполне возможно. И вряд ли он успел уйти далеко – ведь все бесхвостые бегают на задних лапах, а значит, гораздо медленнее, чем волки.

Однако Волк по-прежнему ничего не находил.

Ужасная истина вдруг обрушилась на него, придавив, точно ствол упавшего дерева.

Большой Бесхвостый ушел навсегда!

Глава 8

Чтобы не встретиться ни с кем из племени Ворона, Торак старался держаться подальше от привычных троп и шел по тайным извилистым оленьим тропкам, которые вели вверх по течению Широкой Воды.

Звери в Лесу, поняв вскоре, что этот человек ни на кого охотиться не собирается, перестали бояться. Лось, проходя мимо Торака, то и дело останавливался и спокойно жевал кипрей. Олени, помахивая хвостиками, неторопливо удалялись в чащу, но вскоре опять выглядывали, проверяя, там ли еще человек. Две дикие свиньи с толстенькими мохнатыми поросятами лишь приподняли морды, когда он прошел рядом, и посмотрели на него.

Под пологом Леса молодая кудрявая листва еще только пробивалась из почек, а на залитых солнцем верхушках деревьев уже почти вся распустилась и сочно зеленела. Торак шел довольно быстро. Как и все лесные люди, он путешествовал налегке, взяв с собой только самое необходимое – для охоты, для разведения костра и для сна.

Всю свою жизнь он бродил по лесу с отцом; стоянку они устраивали чаще всего на одну или две-три ночи, а потом шли дальше. Они никогда подолгу не задерживались на одном месте, и преодолеть эту привычку Тораку оказалось труднее всего, когда он стал жить в племени Ворона, потому что это племя меняло стоянку не чаще чем раз в три-четыре месяца.

И потом, их было так много! Двадцать восемь мужчин, женщин и детей. И еще младенцы. До прошлой зимы Торак ни разу ни одного новорожденного младенца не видел и все время удивлялся и спрашивал Ренн: «А разве они не могут ходить? Чем же они весь день занимаются?» И Ренн так смеялась, что даже падала на землю от смеха.

А он страшно на нее сердился. Но теперь эти воспоминания заставили его лишь сильнее тосковать по Ренн и Фин-Кединну.

Выйдя из долины Широкой Воды чуть южнее Гремящих Водопадов, Торак двинулся на восток, в следующую долину. Там он встретил двух охотников из племени Ивы, которые плыли вниз по реке в лодках-долбленках. К счастью, они очень спешили и не стали спрашивать его, куда он направляется; они пристали к берегу лишь на несколько минут, чтобы предупредить его о грозящей опасности.

– С нашей стоянки вчера ночью удалось сбежать одному больному, – сказал один охотник. – Как услышишь его вой, сразу беги. Он больше не понимает, что он человек.

Второй охотник, горестно покачав головой, прибавил:

– Ох уж эта болезнь! И откуда она только взялась? Кажется, даже само дыхание лета теперь отравлено.

День начинал клониться к вечеру, когда Торак почувствовал, что за ним следят.

Он много раз останавливался и прислушивался, но так ничего и не услышал, а когда резко оборачивался или даже возвращался на несколько шагов назад, тоже ничего не замечал. Однако он чувал: преследователь рядом! Когда стали сгущаться тени, Торак за каждым кустом стали мерещиться утратившие разум и бессмысленно рыщущие по Лесу маленькие злобные твари с острыми когтями и лицами из листьев.

Он устроил ночевку возле шумливой речушки, где синими светящимися стрелами носились озерные стрекозы, а комары чуть не сожрали его заживо, пока он не натерся соком полыни.

Впервые за последние шесть месяцев Торак ночевал один в Лесу. Он очень старался, выбирая для ночевки подходящее место: ровный участок земли достаточно высоко над рекой во избежание внезапных наводнений и подальше от муравейников и видимых троп лесных обитателей, и, разумеется, не под старым или сухим деревом, ветки которого могли свалиться на него ночью.

После душевных жилищ из оленьих шкур, которые строит племя Ворона, Торак с наслаждением вернулся к тому образу жизни, который они вели с отцом, и быстро построил себе временное убежище из живых деревьев. Он выбрал три молоденьких бука, пригнул их друг к другу, связал сосновым корневищем, и получилось некое подобие шалаша. Сверху Торак набросал веток, потом мха, а потом еще веток. Утром достаточно будет развязать верхушки буков – и дерева как ни в чем не бывало снова потянутся к солнцу.

Сделав себе подстилку из прошлогодней ломкой буковой коры, он втащил свои пожитки в шалаш. Там сильно пахло землей и Лесом.

– Эх, хорошо! – воскликнул Торак и тут же почувствовал, что голос его звучит как-то неестественно.

Ночь была теплая, дул южный ветер, так что Торак с помощью кремней и трута из березовой коры развел совсем небольшой костерок, обложив его камнями, чтобы огонь не сбежал в Лес.

Он вспоминал те ночи, когда они с отцом подолгу сидели над красными угольями, дивясь этому загадочному существу – своему доброму другу-огню, дающему людям жизнь. Интересно, а что снится огню, когда он спит внутри древесины? И куда он уходит, когда умирает?

Впервые за все это время Торак как следует задумался о своих сородичах из племени Благородного Оленя, с которыми, возможно, вскоре встретится. Как-то они его примут? Будет ли он чувствовать себя в этом племени чужаком? Ведь, в конце концов, сложись все иначе, он тоже принадлежал бы к их племени, потому что мать даже чаще дает новорожденному ребенку свое племенное имя, а не имя его отца. И тогда он, Торак, тоже вырос бы в самом Сердце Леса, и отец, возможно, не погиб бы, и с Волком они никогда бы не встретились...

Нет, это уж слишком! Куда его, однако, занесло! И, запретив себе думать об отце и о Волке, Торак отправился на поиски пищи.

Он выкопал несколько сладких корней дикой орхидеи и запек их в золе, потом сделал нечто вроде горячей каши из листьев мари, сдобренной диким чесноком. Получилось довольно вкусно, но есть ему пока не хотелось, и он решил оставить кашу на потом.

Торак подвешивал бурдюк с теплой кашей повыше на ветку дерева, чтобы уберечь его от лесных воришек, когда по Лесу гулким эхом разнесся жуткий вопль.

И от этого вопля у Торака все похолодело внутри.

Это было не визгливое, заливиное тьяканье рассерженной лисицы и не призывное рычание рыси, ищущей подругу. Это кричал человек. Или то существо, которое раньше было человеком. Крик доносился, судя по всему, из западной части Леса.

Чувствуя, как в сердце заползает страх, Торак смотрел на ступавшие под деревьями тени. Скоро летнее Солнцестояние, так что ночь будет короткой. Но и на самую короткую ночь его мужества с трудом хватит!

Впрочем, Лес был еще полон болтовни дроздов и хриплого хохота дятлов. В эту пору птицы поют всю ночь. И Торак был несказанно рад такой компании.

«А племя Ворона, – подумал он вдруг, – сидит сейчас у большого костра. На стоянке пахнет древесным дымом и вяленой лососяной. Слышится раскатистый смех Ослака...»

Нет. «Даже само дыхание лета отравлено» – так сказал тот охотник.

Торак быстро раскатал спальный мешок и нырнул в него, положив рядом оружие. Еще несколько минут назад спать ему совсем не хотелось. Теперь же он вдруг чувствовал себя смертельно усталым.

И мгновенно уснул.

И сквозь сон услышал чей-то пронзительный хохот. Мучительно пытаюсь проснуться, он понял, что это не хохот, а стон – уже знакомый ему и чрезвычайно опасный...

Еще секунда – и сон мигом слетел с него: он услышал шум падающего дерева – *и дерево падало в его сторону!*

Ноги запутались в спальном мешке, и Торак никак не мог их высвободить. Извиваясь, как гусеница, он выполз из шалаша, с трудом вскочил и прямо в мешке неловко прыгнул в сторону, тут же упал, чуть не угодив в костер, и перекатился в заросли папоротников как раз в ту минуту, когда прямо на его шалаш рухнуло здоровенное дерево.

Искры так и взвились к небесам. Качнулись темные ветви. И тут же замерли – успокоились.

Торак неподвижно лежал среди папоротников, сердце его бешено билось, по спине текли струйки холодного пота. Он ведь проверил все поврежденные бурей деревья вокруг! Совершенно точно проверил! Да и ветра-то почти нет!

И он вспомнил тот смех. Злобный и в то же время странно напоминающий смех ребенка. Нет, этот смех ему не приснился!

Не решаясь встать, Торак еще некоторое время выжидал, пока не убедился, что вроде бы остальные деревья стоят на месте. Потом выпутался наконец из мешка и пошел обследовать то, что осталось от его шалаша.

Упавший на шалаш крепкий молодой ясень напрочь сломал три юных бука, вершинки которых Торак связал вместе; кроме того, ясень полностью перекрыл ему доступ к оставшимся в шалаше вещам. Впрочем, если повезет, пожитки свои ему вытащить удастся, во всяком случае, при свете костра Торак сумел разглядеть, что они как будто целы. А вот если бы сам он вовремя не проснулся, его точно раздавило бы деревом.

И все же... если этот преследователь хочет его убить, то зачем ему понадобилось предупредить Торака своим смехом? Или он играет с ним, как кошка с мышью? Насыляет на него опасность за опасностью и с любопытством наблюдает, что из этого получится.

Костер все еще горел. Взяв в одну руку горящую ветку, а в другую – нож, Торак внимательно осмотрел ствол упавшего ясеня.

И вскоре обнаружил следы от топора. Неглубокие, неровные, сделанные весьма неумело. Однако этого вполне хватило, чтобы дерево повалилось.

«Странно, – думал он, – а на земле не видно никаких следов. И ни малейших признаков того, что кто-то стоял возле ясеня и рубил его».

Торак еще раз осмотрел все вокруг, светя себе горячей веткой. Нет, ничего. Может, он что-то пропустил? Вряд ли. Уж следы-то он умеет читать очень хорошо.

Коснувшись пальцем ручейка древесного сока, сочившегося по стволу ясеня, Торак понял, что сок уже загустел, – значит, ствол был подрублен заранее, а потом его осталось только чуть толкнуть. Что преследователь и сделал, едва Торак уснул.

«Опять же странно, – нахмурился Торак. – Ведь нельзя же повалить дерево абсолютно неслышно!» Так почему же он ничего не услышал?

И тут до него дошло: он ведь ходил за водой к реке! Пока он наполнял бурдюк, шум воды, естественно, заглушал все прочие звуки!

Стоя среди темных деревьев над умирающими юными буками, Торак мечтал об одном: чтобы рядом оказался Волк. От внимания Волка ничто бы не ускользнуло. У него такой тонкий слух, что он слышит, как проплывают в небе облака. И такой острый нюх, что он чувствует дыхание рыбы.

– Но Волка здесь нет! – сердито сказал себе Торак. – Он очень далеко отсюда, на Священной Горе.

Впервые за шесть месяцев он даже завывать не мог от тоски по своему утраченному другу: и представить себе невозможно, кто – или что – может ответить на его горестный призыв.

Выудить из-под обломков шалаша свои пожитки и построить новое убежище Тораку удалось только к середине ночи, и он просто падал от усталости. Очень неприятно, конечно, что он невольно послужил причиной гибели трех молоденьких деревьев. Прямо-таки чувствовалось, как их души парят в воздухе, тоскующие, растерянные, не в силах понять, почему их лишили законного права вырасти и стать настоящими большими деревьями.

«Это все твоя вина, – казалось, шептали Тораку другие деревья. – Это ты принес в Лес зло...»

На этот раз Торак не рискнул забираться в спальный мешок. Вместо этого он разжег костер у входа в свой новый шалаш и уселся там, накинув мешок на плечи и держа на коленях топор. Спать вроде бы совсем не хотелось. А хотелось, чтобы поскорее наступил рассвет...

Проснулся он внезапно. И опять от ощущения, что за ним следят, но на этот раз ощущение было несколько иным. И в воздухе висел какой-то странный запах: горячий, сильный и, в общем, знакомый, немного напоминавший запах гулявника, но толком он со сна никак не мог определить, что же это за запах.

И тут он заметил, что по ту сторону костра кто-то стоит и смотрит на него блестящими глазами. Рука сама собой стиснула рукоять топора.

– Ты кто? – хрипло спросил Торак.

Существо что-то проворчало в ответ.

– Кто ты? – повторил он свой вопрос.

Существо шевельнулось, пламя костра осветило его, и Торак окаменел от ужаса.

Перед ним стоял дикий кабан. Огромный самец длиной от морды до хвоста в два больших человеческих прыжка и весом побольше, чем трое крупных мужчин. Его большие мохнатые коричневые уши стояли торчком, а маленькие глазки настороженно смотрели прямо на Торака.

Торак заставил себя стоять неподвижно. Кабан обычно не нападает первым, если, конечно, не ранен или не защищает своих детенышей. Но разъяренный кабан способен бежать так же быстро, как олень, и он совершенно неуязвим.

– Я не желаю тебе зла, – тихо сказал кабану Торак, зная, что тот его, конечно же, не поймет, но, может быть, догадается о смысле сказанного по мирному тону.

Большие кабаньи уши шевельнулись. В отблесках костра сверкнули желтоватые клыки. Зверь раздраженно заворчал и, опустив массивную голову, принялся рыть землю вокруг разрушенного шалаша.

Ему, собственно, нужна была только еда. Начало лета – скудный период для кабанов, от прошлогодних осенних ягод и желудей к этому времени остаются одни воспоминания. Ничего

удивительного, что кабан так старательно выкапывает из земли всякие корешки, жуков, червей и вообще все, что можно съесть.

На Торака зверь больше никакого внимания не обращал, и тот через некоторое время даже решился заползти в спальный мешок и, свернувшись в клубок, лежал очень тихо, прислушиваясь к успокаивающему сопению кабана. Новый сосед был, пожалуй, грубоват и настроен не слишком дружелюбно, но все равно Торак был ему рад. У кабанов отличные слух и нюх. Пока он рядом, никто – ни больной безумец, ни тот злобный преследователь – не сможет подойти близко.

Но ведь вскоре кабан уйдет.

Глядя на красные угли костра, Торак думал, что, наверное, Фин-Кединн был прав; похоже, он действительно позволил заманить себя в ловушку, уйдя из племени Ворона. И очень похоже, что тот преследователь – кто бы он ни был – завел его именно туда, куда и хотел. И теперь он остался в Лесу совсем один.

* * *

Но кто бы он ни был, этот преследователь, в ту ночь он потрудился на славу.

Когда Торак наконец проснулся и выполз из своего шалаша, моросил дождь. Кабан ушел, костер потух, и кто-то откатил от него в разные стороны камни, затоптав кострище. Кто-то также пробрался в шалаш, пока Торак спал, вытащил у него из колчана, лежавшего под головой, все стрелы и воткнул их в кострище, словно пытаясь создать некий рисунок.

И Торак сразу узнал этот знак. Это был трезубец, знак Пожирателей Душ.

Опустившись на колено, Торак выдернул из кострища одну стрелу.

– Ну хорошо, – громко сказал он, поднимаясь на ноги. – Я знаю, что ты умен; я знаю, что ты отлично умеешь ко мне подкрадываться. Но ты самый настоящий трус, если сейчас же не выйдешь и не встретишься со мной лицом к лицу!

Но никто не вышел к нему из промокшего от дождя подлеска.

– Трус! – крикнул Торак.

Лес ждал.

Тораку отвечало лишь гулкое эхо.

– Чего тебе от меня надо? – продолжал выкрикивать Торак. – Выходи! Давай встретимся в честном бою! Скажи хотя бы, чего ты от меня хочешь?

Но в ответ он слышал лишь шелест дождя по листьям да отдаленный стук дятла. Капли беззвучно стекали по разгоряченному лицу Торака.

* * *

Миновало утро, а дождь все не кончался. Торак любил дождь: он приносил прохладу и разгонял мошкарю. Торак довольно быстро миновал еще две долины и немного воспрянул духом. Ощущение того, что за ним следят, несколько ослабло. И того безумного воя он больше не слышал.

Возможно, все это благодаря тому, что кабан постоянно находился где-то рядом. Торак его не видел, но следы его незримого присутствия замечал то и дело. Большие участки вывернутого дерна, где он рылся в поисках корешков и червей. Грязную яму у корней большого бука, где он валялся; перепачканную грязью кору, о которую он всласть почесался после грязевой ванны.

Тораку все это лишь прибавляло бодрости. У него появился новый товарищ. Интересно, думал он, сколько этому кабану лет? И не отец ли он тех мохнатых поросят, которых он видел накануне?

День уже клонился к вечеру, когда их пути наконец пересеклись. Мальчик и кабан напились из одного ручья и улеглись отдыхать на одной и той же уютной, навевающей дрему полянке. А один раз, когда оба принялись искать древесные грибы, кабан вдруг грозным ревом отогнал Торака подальше и даже растоптал гриб, который Торак собирался съесть. Торак только потом понял, почему кабан так вел себя, – когда рассмотрел гриб повнимательней. Это оказался вовсе не съедобный древесный гриб, а очень похожий на него ядовитый; и теперь, когда кабан раздавил его, стала видна его сердцевина неприятного красного цвета. Собственно, кабан только что спас его и по-своему, хотя и довольно сердито, посоветовал впредь быть осторожнее.

Дождь продолжал идти и на следующее утро. Весь Лес был окутан туманом, точно плащом. Но когда Торак продолжил свой путь на восток, то вскоре понял, что не только туман скрывает от него свет солнца: сам Лес становился все гуще и темнее.

Торак привык к Открытому Лесу, где кроны деревьев пропускали много солнца, да и подлесок был не слишком густым. А сейчас он добрался уже до тех холмов, что сторожили Сердце Леса. Гигантские дубы, подобно сторожевым башням, высились над мальчиком, широко раскинув могучие ветви и словно приказывая: поверни назад! А в подлеске Торак скрывался с головой; это были настоящие заросли черного тиса и ядовитого болиголова. Небо совсем скрылось за непроницаемой пестротой листового покрова.

Весь день кабана поблизости не было, и Торак даже соскучился по нему. Кроме того, он не только опасался своего таинственного преследователя, но и то, что ждало впереди, начинало его страшить.

Все чаще он вспоминал истории, которые рассказывал ему отец. «В Сердце Леса, Торак, все по-другому. Там и деревья словно всегда настороже, и люди куда более подозрительные. Если когда-либо осмелишься забраться туда, будь осторожен. И помни, что летом Великий Дух часто бродит по лесной чаще в обличье высокого человека с оленьими рогами...»

Уже к вечеру, и по-прежнему под дождем, Торак решил остановиться у ручья и немного передохнуть. Повесив оружие на ветку падуба, он подошел к воде, чтобы наполнить бурдюк.

На влажной земле отчетливо виднелись свежие следы. Кабан уже побывал здесь, и совсем недавно, – его копытца глубоко отпечатались в мокром песке. Было приятно узнать, что его друг неподалеку. Опустившись на колени и сунув горлышко бурдюка в воду, Торак почувствовал знакомый горчичный запах и усмехнулся.

– А я-то думал, куда ты подевался! – пробормотал он.

На другом берегу ручья шевельнулись папоротники – и оттуда появился кабан.

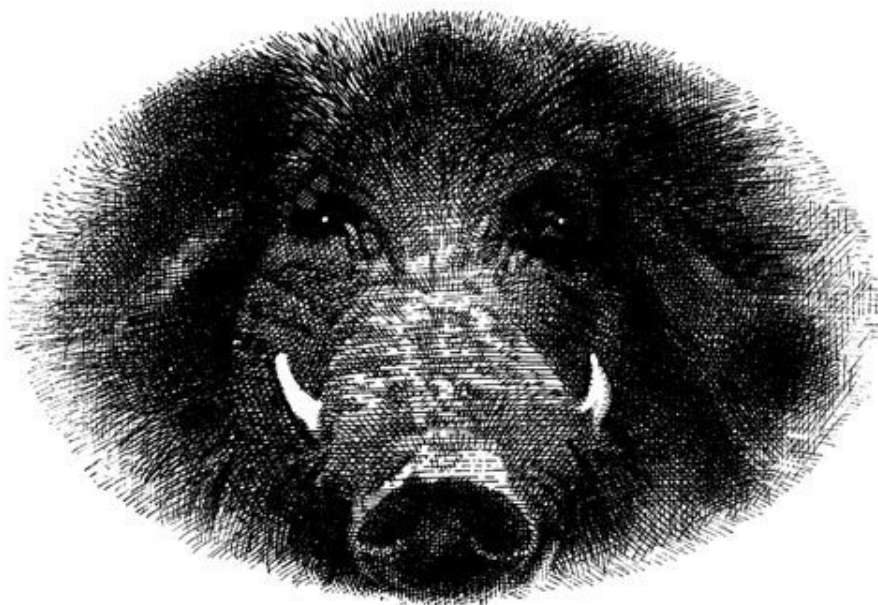
Но с ним явно что-то случилось. Жесткая бурая шерсть слиплась от пота. Маленькие глазки, обведенные красными ободками, тупо смотрели прямо на Торака.

Торак выронил бурдюк и попятился.

Кабан злобно завизжал.

И бросился на него.

Глава 9

Торак стремительно отскочил за ближайшее дерево, и кабан пролетел мимо.

Ужас придал Тораку сил. Подпрыгнув, он ухватился за ветку и повис на ней, болтая в воздухе ногами и стараясь взобраться на дерево, – только что клыки зверя вонзились в ствол в том месте, где он стоял.

Дерево задрожало. Торак что было сил вцепился в кору.

Наконец ему удалось закинуть ногу и оседлать ветку, потом он подтянулся и добрался до развилки. Кабан, казалось, вот-вот до него достанет, но выше Торак подняться не мог: ветки у дерева были слишком тонкими. Башмаки с него сразу свалились, а грязные ноги скользили по мокрой коре; он всем телом прильнул к стволу дерева, чтобы немного успокоиться. Вдруг под ним с треском подломилась одна из веток. Кабан тут же вскочил, поднял голову и злобно уставился на Торака.

Его карие глаза, совсем недавно такие спокойные и мудрые, вылезли из орбит и налились кровью. Что же с ним случилось? Отчего он вдруг превратился в обезумевшее чудовище? И почему это так похоже на то, что происходило с Ослаком?

– Но я ведь твой друг! – прошептал Торак.

Кабан хрипло взревел и с шумом помчался куда-то в чащу.

Не возвращался он долго, и Торак наконец осмелился вздохнуть с облегчением, хоть и понимал, что спускаться на землю еще рано. Кабаны весьма хитры и умеют, затаившись, дожидаться подходящей минуты. И этот тоже мог оказаться где угодно.

От неудобной позы ноги у Торака затекли, стоило чуть шевельнуться, и правую скрутила судорога. Он опустил глаза, желая растереть ногу, и с изумлением обнаружил, что ноги стали такими скользкими потому, что вымазаны не грязью, а кровью! Видно, кабан все же успел задеть его клыком, но Торак сгоряча этого даже не почувствовал. Что ж, теперь, сидя на дереве, он уже ничем себе помочь не может.

Дождь почти перестал. Стало даже проглядывать солнце. Вокруг виднелись сплошь дубы и падубы, а внизу – настоящие заросли папоротников и таволги. В солнечном свете все это выглядело удивительно мирно.

Но в воздухе висел горчичный запах кабана. Зверь мог быть в пяти шагах от Торака, и все равно Торак никогда бы его не заметил. Пока не стало бы слишком поздно.

Прямо под Тораком горихвостка, слетев на лист лопуха, пила дождевую воду, и он решил, что осторожная птичка никогда бы не сделала этого, если бы кабан прятался поблизости.

Чтобы в этом убедиться, он вытащил нож и, быстро пробормотав слова извинения духу ивы, срезал небольшую ветку и бросил ее вниз.

Горихвостка тут же улетела. А папоротники словно взорвались.

Прижимаясь к дереву, Торак смотрел, как кабан терзает брошенную им ветку. Зверь поддевал ее клыками, топтал и в итоге, совершенно измочалив, вбил в землю. Если бы Торак спрыгнул вниз, на месте этой ветки оказался бы он сам.

Отшвырнув истерзанную ветку вместе с землей в папоротники, кабан резко развернулся, нагнул ниже голову и бросился на дерево.

Он с такой силой ударил плечом о ствол, что земля вздрогнула, словно на нее упал с горы здоровенный валун. С веток несчастной ивы дождем посыпались листья. А Торак, сдвинув брови, еще крепче вцепился в ветку.

Кабан ударил снова.

И еще раз.

И еще.

Ужас охватил Торака: он понял, что кабан пытается выкорчевать иву.

И это вполне ему по силам. Теперь-то Торак понимал, что выбрал неподходящее дерево. Вместо коренастого дуба или хотя бы падуба, вполне способных выдержать натиск разъяренного кабана, он взобрался на довольно молодую иву, у которой ствол лишь немногим толще его собственного тела.

«Ох, какой же ты дурак, Торак!» – обругал он себя.

Еще удар клыками – на этот раз послышался громкий треск, и у основания дерева в коре возникла изрядная трещина, через которую виднелась розовато-коричневая древесина; по стволу, поблескивая, побежала струйка древесного сока...

Делай же что-нибудь! Думай! Думай быстрее!

Ну хорошо. Возможно, он сумеет добраться до ближайшего дуба, если ему удастся проползти по этой ветке...

Торак сделал всего несколько движений и тут же вернулся назад. Нечего и надеяться! Ветка, может, и выглядит достаточно прочной, да только его веса она ни за что не выдержит. Это же ива, у нее очень хрупкая древесина, которая запросто ломается и крошится. Так что он выбрал не только самое маленькое здесь дерево, но и наименее прочное.

И вдруг по совершенно непонятной причине кабан прекратил свои атаки. Тораку это внезапное спокойствие зверя показалось, пожалуй, еще более пугающим, чем его бешеная ярость.

Он понимал, что это схватка не на жизнь, а на смерть и он, Торак, скорее всего, проиграет: его топор, лук и стрелы, аккуратно подвешенные к ветке падуба, находились от него всего в нескольких шагах, но были абсолютно недостижимы.

Надежда постепенно гасла в его душе. Выхода не было. Впереди неминуемая гибель.

Почти не сознавая, что делает, он поднес сложенные рупором ладони к губам и громко позвал по-волчьи:

– Волк! Где ты? Помоги!

Но никакого ответа ветер ему не принес. Волк был далеко отсюда, на Священной Горе.

И людей в этой части Леса, похоже, вообще нет. Никто не услышит его крика, никто не придет ему на помощь!

То, что он попросил о помощи по-волчьи, вызвало у него острое ощущение собственной уязвимости и одновременно придало ему сил.

«Ты же из племени Волка, – сказал себе Торак. – Ты не позволишь себе умереть загнанным на ветку, точно жалкая белка!»

Он быстро, не давая сомнениям укорениться в его душе, срезал ветку ивы чуть длиннее собственной руки, очистил ее от сучков, а тонкий конец расщепил вдоль. Получилась упругая и довольно крепкая вилка. До ветки, на которой висит его оружие, всего два-три шага, так что, если повезет, можно попробовать подцепить расщепленной палкой шнурок на рукояти топора, снять топор с ветки и подтащить к себе.

Внизу, прямо под ним, над потемневшей от пота кабаньей спиной облачком висел пар.

К счастью, та ветка ивы, по которой нужно было подобраться поближе к цели, оказалась и самой крепкой. Торак осторожно прополз по ней, насколько осмелился, и потянулся к топору, зажав в руке расщепленную палку.

Но не достал.

Он вернулся назад, снял с себя ремень из сыромятной кожи, обвязал один его конец вокруг ствола ивы, а за другой схватился покрепче и снова пополз по ветке; теперь он смог продвинуться значительно дальше.

И на этот раз – ура! – ему удалось подцепить расщепленным концом веревочную петлю на рукояти топора и осторожно снять топор с ветки падуба.

Но топор оказался слишком тяжелым. Расщепленная ветка угрожающе согнулась... Не в силах что-либо предпринять, Торак смотрел, как топор медленно соскальзывает с ее конца и падает вниз, воткнувшись лезвием в землю.

Кабан пронзительно завизжал, поддел топор клыками и зашвырнул его в папоротники.

Но Торак решил не сдаваться. Он снова вытянулся в струнку и попытался подцепить расщепленной палкой свой лук. Ему удалось осторожно поддеть его за тетиву. Лук был значительно легче топора – всего лишь тонкая полоска тиса с натянутым на нее сухожилием, – и Торак легко снял его с ветки.

Как только лук вновь оказался у него за плечами, в душе его опять вспыхнула надежда на спасение.

– Видел? – крикнул он кабану. – Ты ведь небось не думал, что я смогу это сделать?

Так, теперь колчан. По-прежнему крепко держась за ремень, Торак довольно быстро сумел подцепить расщепленным концом палки и колчан со стрелами. Сам колчан почти ничего не весил – это был всего лишь сплетенный из травы конус, – но, когда Торак потянул его к себе, он качнулся и стрелы так и посыпались из него на землю. Торак резким движением перехватил колчан – и вовремя: там еще осталось три стрелы.

Но сейчас он был рад и этому, громко воскликнув:

– Целых три стрелы!

Три стрелы... Три стрелы... чтобы убить взрослого кабана? С тем же успехом можно попытаться свалить огромного лося пучком полевых цветов!

Кабан всхрапнул и возобновил свои атаки.

«Бедная ива! Вряд ли она долго продержится», – подумал Торак.

Скрючившись, обхватив ногами содрогающийся от ударов ствол дерева, он тщетно пытался прицелиться, но ближайшая ветка все время толкала его под правую руку.

Наконец ему все-таки удалось выстрелить. Стрела вонзилась кабану в плечо. Зверь взревел от боли, но от дерева не отступился. Легкая стрела причинила ему вреда не больше, чем укус овода.

Стиснув зубы, Торак выстрелил снова. Но вторая стрела лишь скользнула по мощному черепу кабана, не причинив ему никакого вреда.

«Думай, думай! – твердил себе Торак. – Если попасть кабану в плечо или в башку, ему это хоть бы что. А вот если как следует прицелиться и твоя стрела угодит ему под лопатку, то, возможно, заденет и сердце...»

Еще удар – ива затрещала и вся затряслась. Вскоре кабан до него доберется...

А кабан тем временем обежал вокруг дерева и приготовился к новой атаке. И тут Торак разглядел у него под передней ногой более светлое пятно шерсти. Он прицелился точно в это пятно и выстрелил.

Сразу было видно: стрела вошла очень глубоко. Кабан пронзительно заверещал и рухнул на бок.

Воцарилась тишина.

Торак слышал только свое возбужденное дыхание и стук дождевых капель по листьям папоротника.

Кабан лежал неподвижно.

Торак выжидал, пока у него не кончилось терпение. Увидев, что зверь больше не шевелится, он осторожно спустился с дерева.

И, оказавшись на взрытой земле спиной к умирающей иве, почувствовал себя совершенно незащищенным. У него больше не было ни стрел, ни топора – только нож.

Должно быть, кабан все-таки мертв. Его покрытые пеной бока больше не вздымаются, значит он не дышит...

Рисковать, однако, нельзя. До мертвого кабана всего шага три, но подойдет он к нему только тогда, когда отыщет топор.

Торак бесшумно скользнул за изуродованный ствол ивы и принялся шарить в папоротниках: топор должен быть где-то здесь.

А кабан у него за спиной, пошатываясь, поднялся на ноги.

Торака охватило отчаяние: ну где же топор?!

И в то мгновение, когда кабан бросился на него, он наконец увидел свой топор.

Схватив его, он резко повернулся и вонзил острие в мощную кабанью шею.

Кабан замертво рухнул на землю.

* * *

Торак стоял над ним, застыв как изваяние. Ноги не держали его, грудь тяжело вздымалась, а в руках он по-прежнему до боли крепко сжимал топор.

Дождь струился по его щекам, как слезы, и печально стучал по листьям. Тораку было не по себе. Никогда в жизни он никого не убивал просто так, не ради пропитания. И никогда не убивал друга.

Выронив топор, он опустился на колени и положил дрожащую руку на горячий колючий бок кабана.

– Прости меня, друг, – сказал он. – Но мне пришлось это сделать. И да обретут мир и покой твои души!

Подернутые пеленой глаза незряче уставились на него. Души уже покинули тело кабана. Торак чувствовал их присутствие. Совсем рядом. И они были разгневаны.

– Я отнесусь к тебе с должным уважением, – сказал Торак, поглаживая мокрый от пота кабаньих бок. – Обещаю.

Он раздвинул шерсть – и охнул. Глубоко в ребра кабана вонзился какой-то странный дротик.

С помощью ножа Торак извлек его и вымыл в ручье. Ничего подобного он раньше не видел. Острие дротика имело форму листа, но с какими-то опасными острыми зазубринами, и было сделано из закаленного на огне дерева.

У него за спиной среди деревьев послышался смех. Он резко обернулся. Но смех словно растаял в Лесу.

И только тут до него дошел смысл находки. Так вот почему кабан вдруг напал на него! Он вовсе не был болен. Он был просто ранен. И ужасно страдал. Кто-то беспощадно жестокий и злобный ранил его и, вопреки всем священным законам охоты, не прикончил, а, напротив, стал преследовать, гонять по Лесу, заставив обезуметь от боли и зверски атаковать любого, кто попадется ему на пути.

А поскольку в этой части Леса, кроме Торака, никого из людей, похоже, больше не было, значит тот, кому принадлежит дротик, ранивший кабана, наверняка в качестве первой жертвы несчастного зверя избрал именно его, Торака!

Глава 10

Торак завернул кусок кабаньей печенки в листья лопуха и сунул сверток в развилку дерева.

– Спасибо хранителю племени за эту пищу, – пробормотал он, как бесчисленное множество раз делал и прежде.

Но впервые в жизни он никакой благодарности не испытывал. У него перед глазами по-прежнему стоял старый мудрый кабан, роющийся в прелой листве, кабан, который всю ночь охранял его покой и составлял ему компанию... Из головы у Торака не шли и те толстенные лохматые кабанята, потерявшие отца...

Потом он, прихрамывая, вернулся к огромной туше, громоздившейся на земле. С невероятным трудом ему удалось перевернуть кабана и вспороть ему брюхо, чтобы извлечь внутренности, но на большее сил у него не хватило.

До сих пор самой крупной его добычей был самец косули, да и то пришлось потом целых два дня трудиться без устали, чтобы обработать тушу и заготовить пищу впрок. Но кабан во много раз больше той косули. Чтобы все сделать как следует, ему понадобится, наверное, полмесяца.

А он не может задерживаться здесь так долго. Он должен поскорее добраться до Сердца Леса и найти средство, исцеляющее от той страшной болезни!

Но выбора не было. Самый древний закон гласил: если ты убил, то отнесись к своей добыче с должным уважением, используя ее всю без остатка. Таковы условия договора, заключенного давным-давно между племенами людей и Великим Духом. Тораку придется все сделать как полагается, иначе на его голову могут обрушиться самые невероятные беды и несчастья.

Кстати, нужно что-то сделать и с раной на ноге: ее жжет как огнем, и даже дождь не приносит ни малейшего облегчения.

У ручья Торак нашел кустик мыльнянки. Растерев мокрые листья в скользкую кашу, он тщательно промыл рану. Боль при этом была такая, что у него даже слезы на глазах выступили.

Теперь рану требовалось непременно зашить. Торак вытащил из ранца несколько костяных иголок – ранец в целости и сохранности так и висел на ветке падуба – и выбрал самую тонкую из них, потом подобрал подходящую нить. Те нити из сухожилий косули, которые он тогда сделал сам, были довольно толстые и неровные; Ведна, увидев их, презрительно поджала губы и тут же выдала ему несколько нитей из своего запаса. Тораку эти нити показались тонкими, как паутинки, и он восхищенным шепотом поблагодарил Ведну.

В первый раз проткнув кожу костяной иглой, Торак даже застонал от боли и запрыгал на одной ноге с торчащей из лодыжки иглой. Потом, собравшись с силами, все же сделал следующий стежок. Когда он закончил зашивать рану, слезы у него из глаз лились ручьем.

Теперь нужно было наложить повязку. Для обеззараживания раны Торак использовал кашицу из пережеванной ивовой коры – уж коры-то тут хватало! – хотя больно было ужасно. Затем последовала мягкая прокладка из свежего древесного гриба, а сверху тонкий слой бересты, крепко обхватывавший ногу и державший все остальное.

Покончив с этим, Торак почувствовал, что его всего трясет как в лихорадке. Боль была еще довольно сильной, но все же явно стихала.

Торак отыскал свои башмаки – они были перепачканы грязью, но совершенно целы – и осторожно натянул их.

«Хорошо еще, – думал он, – что это летние башмаки с подметкой из сыромятной кожи и мягкими боковинами из оленьей шкуры – они не станут давить на рану».

Остаток древесного гриба он сунул в ранец, чтобы через денек-другой сменить повязку. Через денек-другой...

Через денек-другой он все еще будет здесь обрабатывать убитого кабана. Если, конечно, неведомый преследователь его самого не прикончит.

Дождь прекратился. Вода, стекая по листьям ивы, капала на тушу кабана. Парочка воронов слетела на землю, с надеждой поглядывая на добычу. Торак отогнал птиц прочь.

Голова у него кружилась, перед глазами мелькали темные пятна. Только теперь он догадался, что совершенно ослабел от голода.

«Разделка туши подождет, – решил он. – Сперва необходимо поесть».

Он давно уже прикончил те запасы, которые прихватил с собой, но теперь мяса у него будет более чем достаточно. Однако никогда еще ему не была так неприятна мысль о мясе.

Вороны зорко следили за тем, как Торак заставляет себя съесть остатки кабаньей печени. Напиться крови оказалось еще труднее. К сожалению, большая ее часть уже успела впитаться в землю, и теперь эту ошибку исправить было уже невозможно, хотя подобное поведение охотника и противоречило условиям договора, что наверняка принесет ему немалые неприятности. Чтобы хоть как-то оправдаться перед убитым зверем, Торак достал из ранца чашку из бересты и собрал в нее кровь, скопившуюся на туше в ямках. Он старался не вспоминать, как долгим зимним вечером эту чашку мастерил для него Ослак, и не думать о том, что пьет сейчас кровь того, кто стал ему другом.

Чтобы отбить противный вкус, он накрошил в чашку молодых стеблей лопуха. А потом – наконец-то! – принялся за разделку туши.

Чтобы только освежевать ее, ему потребовалось немало времени, и было уже почти темно, когда он с этим покончил. Он с трудом разогнул спину, руки ныли от усталости, ноги дрожали. Он был весь покрыт кровью, его бил озноб, настолько он вымотался. А на земле валялась только что снятая с кабана шкура, больше похожая на грязную вонючую кучу чего-то непонятного. Ее еще предстояло долго мыть, соскребать с нее остатки мяса и жира и несколько дней дубить с помощью древесной золы и кашицы из костного мозга. Потом придется вялить мясо, расщеплять кости, делать рыболовные крючки и наконечники для стрел и много чего еще.

А он еще даже шалаша себе не построил и костра не разжег, хотя скоро совсем стемнеет...

– Одного желания маловато, – сказал кто-то у него за спиной.

Торак вздрогнул и обернулся.

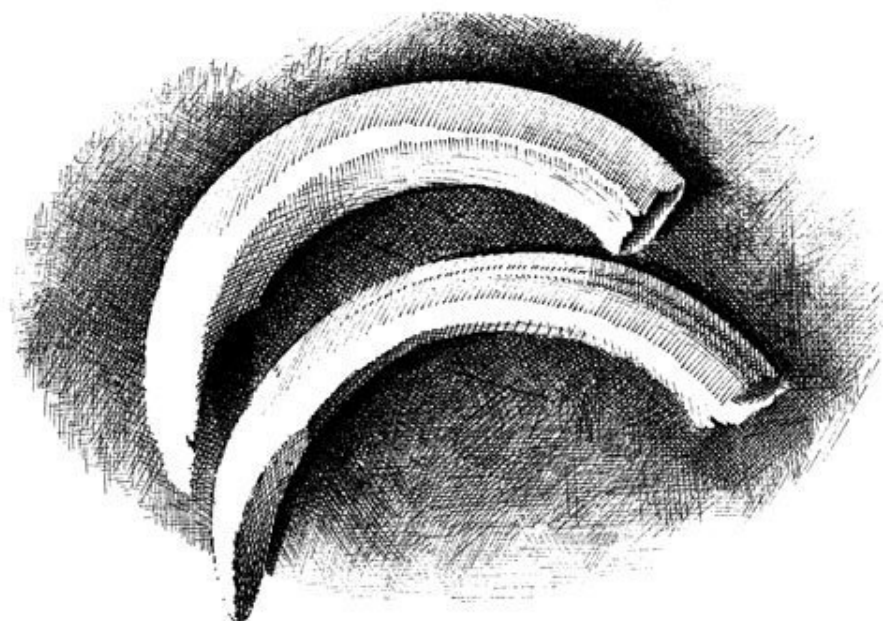
Но никого не увидел. Папоротники вокруг были в человеческий рост, и под ними лежала густая тень.

– Ты кто? – спросил он. И решительно шагнул вперед – но вспомнил, что оружие его осталось у кабаньей туши.

И тут он его наконец увидел. Из папоротников выглядывало чье-то лицо.

Лицо из листьев.

Глава 11

Существо с лицом из листьев было не одно. Второе такое же виднелось неподалеку. Потом еще одно и еще. Торак был окружен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.